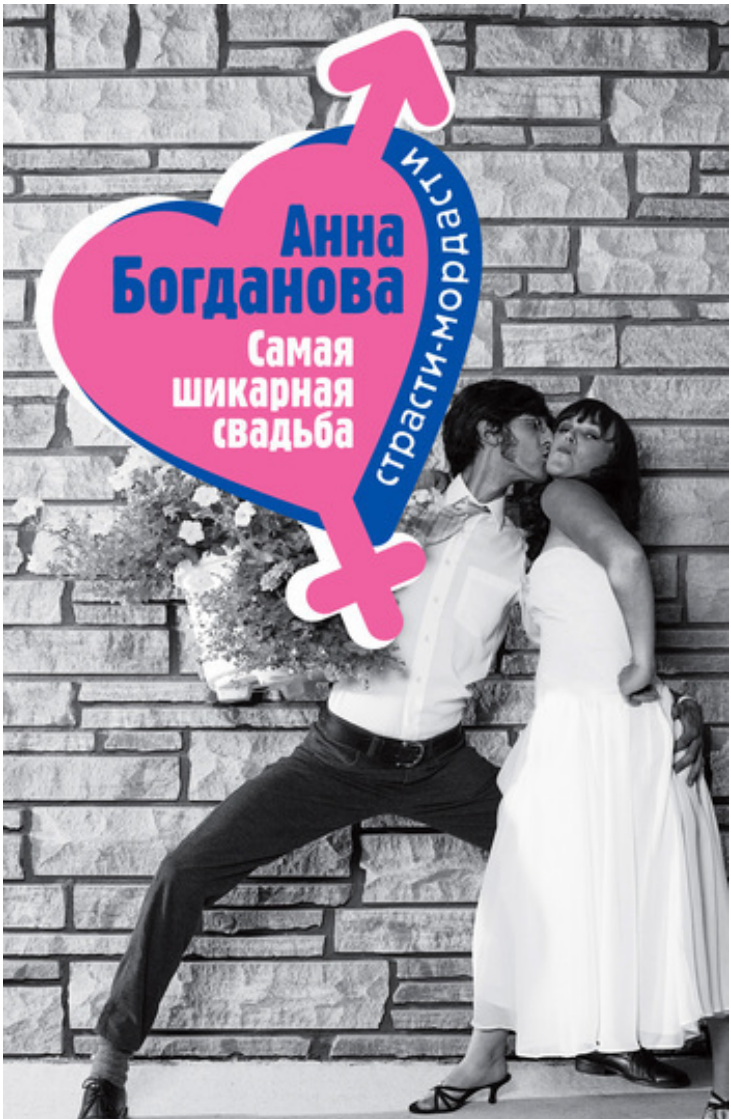
Анна
Богданова
Самая
шикарная
свадьба
страсти-мордасти

Анна Владимировна Богданова

Самая шикарная свадьба

Серия «Такая смешная любовь»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138755
Богданова А. Самая шикарная свадьба: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-20329-1

Аннотация

Дорожку в учреждение под названием ЗАГС писательница Маня Корытникова протоптала давно – на ее счету уже три печати о регистрации брака. И три – о разводе. А сейчас поступило новое предложение. Влас, ставший владельцем автосалона, оказывается, влюблен в нее с детства. К тому же, жениться на писательнице – престижно. И потому он настойчиво зовет Маню под венец. А почему бы нет? – решает она, и в качестве эксперимента переезжает жить в дом жениха. Но бизнесмен принимается тиранить творческую личность: запрещает тушить окурки в кадках с пальмами, разбрасывать вещи и даже… просто загибать уголки в книжках! В конце концов Маня спасается бегством. Подруги в панике: а состоится ли теперь ее четвертая – и самая шикарная свадьба?..

Содержание

Анна Богданова Самая шикарная свадьба 4
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Анна Богданова Самая шикарная свадьба

Автор спешит предупредить многоуважаемого читателя, что герои и события романа – вымышленные.

Искупавшись в волшебном океане славы и всеобщего почитания, я будто помешалась. А всему виной презентация моего романа «Убийство на рассвете» в одном из книжных магазинов Москвы.

Я заболела звездной болезнью и теперь часами сидела перед зеркалом и брала сама у себя интервью.

– Расскажите, пожалуйста, о себе, – басило из зеркала мое несколько измененное отражение с зажатой между носом и губами щеточкой от туши для ресниц (что символизировало усы представляемого корреспондента) и массажной расческой в руке, которая успешно выполняла функцию микрофона.

– Меня зовут Мария Алексеевна Корытникова. Мне почти тридцать два года, впрочем, это неважно. Я знаменитая писательница любовных романов, – напыщенно говорила я, отбросив щеточку от туши для ресниц и массажную расческу.

– Ну, это слишком скупо! Это все ваша скромность, о ко-

торой ходят легенды! Расскажите о своих родителях, друзьях… Замужем ли вы? – спросил мнимый журналист, у которого неожиданно упали «усы».

– Значит, так, – с наслаждением начинала я. – У меня есть мама. Ее зовут Полина Петровна. У мамы есть муж – Николай Иванович, мой отчим. Он старше нее на 13 лет. И у них есть двадцать кошек, с которыми они большую часть года проводят в деревне, в средней полосе России.

– У них что, нет московской прописки? – удивился репортер («усы» его снова сели на место).

– Ой! Ну вы прямо какие-то глупости говорите! – раздраженно воскликнула я. – У Николая Ивановича двухкомнатная квартира, мама прописана тут. Вот здесь, где вы сейчас задаете мне свои глупые вопросы! Деревенский дом тоже мамин. Она вообще весьма состоятельная женщина, – важно сообщила я.

– Двадцать кошек? Зачем так много? Она что, их разводит?

– Сами вы разводите! – огрызнулась я отражению. – Она их подбирает по доброте душевной, ну да ладно об этом. Еще у меня есть бабушка – Мисс Двойная Бесконечность…

– Почему это вы ее так называете? – удивленно спросил воображаемый интервьюер.

– Потому что ей восемьдесят восемь лет, а перевернутая горизонтально восьмерка обозначает бесконечность, – неохотно объяснила я, поражаясь тупости «журналиста», и

продолжала: – У нее есть сын Жорик (старший брат мамы), у Жорика есть гражданская жена Зоя. Вообще-то мы с мамой между собой называем ее Гузкой из-за поразительного сходства с жирной рождественской… Ошибаетесь! – прикрикнула я на «корреспондента», который якобы хотел было что-то сказать, – не гусыней, а гузкой, с которой стекает жир. А вместе, как одно целое, эта пара называется Зожорами.

– Ха! Ха! Ха! Как оригинально! Это, наверное, вы придумали! Зоя плюс Жорик равняется Зожоры! Ха! Ха! Ха! – умилился «репортер», но я будто не заметила этого и продолжала:

– Конечно, у меня есть друзья – так называемое содружество, которое когда-то образовалось из четырех девчонок младшей группы детского сада (меня, Икки, Анжелы и Пульхерии).

– Ну-ка, ну-ка, это уже интересно!

– Не перебивайте меня, а то я вообще ничего говорить не буду! – рассердилась я, а у «корреспондента» снова упали «усы». – Лет девять назад к нам примкнул мой бывший сокурсник – переводчик с французского, испанского и английского языков Женька Овечкин.

– Можно поподробнее? – робко попросил «журналист», изо всех сил сжимая щеточку от туши между носом и губами.

– Зачем это вам? Впрочем, жалко, что ли? Икки – фармацевт, Анжелка Огурцова – бывшая балалаечница, но сейчас

в декретном отпуске по случаю рождения второго ребенка, Пульхерия – гинеколог. А недавно Икки с Овечкиным решили сочетаться законным браком! – с восторгом заметила я, забыв на мгновение, что даю «интервью». – Наконец-то Женька выкинул из головы дурацкую идею, что его привлекают мужчины, и влюбился в нашу Икки! – Тут я, словно опомнившись, нетерпеливо потребовала: – Давайте, задавайте свои вопросы – вы у меня и так отняли массу времени!

– Расскажите о своей последней книге.

– Моя последняя книга – это что-то вроде личных записей. Я там написала все про всех своих знакомых. Чистую правду! И о маме, и о Николае Ивановиче, и о Мисс Бесконечности, и обо всех друзьях. И про своего любовника – сочинителя детективных романов Алексея Кронского, и о том, как он мне изменил прямо в лифте с отвратительной коровой! Никого не забыла! Даже о своем редакторе Любочке пару слов черкнула! – радостно затараторила я. – Прочитав эту книгу, вы узнаете, что скоро я выйду замуж за… Вы представить себе не можете за кого! За того самого Власа, внука хорошей бабушкиной знакомой Олимпиады Ефремовны, с которым мы отдыхали двадцать лет назад на море! Если б вы знали, каким он был противным в детстве и как я его ненавидела тогда!..

– А что побудило вас написать такую откровенную книгу?

– Вообще-то я не собиралась представлять ее широкому читателю, но Любочка требовала: «Давай новый роман! Да-

вай новый роман!» А у меня нового романа тогда не было. Так вот, собственно, и получилось.

– Спасибо вам, Марья Лексевна, за столь захватывающую историю! Статья выйдет в ближайшем номере «Литобра»! Спасибо!

– Пожалуйста, пожалуйста, – ответила я, а затем невежливо добавила: – Ну, выметайтесь, выметайтесь поскорее, меня муза ждет, мне нужно писать очередной гениальный роман!

Однако звездную болезнь как рукой сняло, стоило только Любочке ознакомиться с моим творением. А уж когда книга появилась на полках книжных магазинов, я и вовсе почувствовала себя песчинкой, затерявшейся в необъятной Вселенной. Как сказал когда-то Паскаль, я ощутила себя «тростником, слабейшим из творений природы», для уничтожения которого «достаточно дуновения ветра, капли воды».

И тут началось такое! Такое! Но нет, нет, нет! Все по порядку.

Первой свое недовольство выразила Любочка – она прочла роман и тут же позвонила мне.

– Я ведь просила вырезать меня из текста! – набросилась редакторша, даже не поздоровавшись.

– Но это жестоко – резать тебя, – неудачно пошутила я.

– Так значит я – Люба «с дуба»?!

– Это не я о тебе так говорила. Это устами Кронского… – попыталась оправдаться я.

– Зато ты об этом написала! Этого вполне достаточно!

Так, стало быть, я любопытная? – спросила она, но ответить не дала, продолжая возмущаться: – Была б моя воля, ни за что бы не пропустила этот роман, но главный редактор от него просто в восторге – говорит, настоящий бестселлер, так что можешь радоваться и писать продолжение! Кляузница несчастная! – Она замолкла на минуту – видно, думала, бросить трубку сейчас же или сказать самое главное, что, наверное, мучает ее больше всего.

– Какое продолжение? – растерялась я.

– Можешь писать второй том и обливать грязью всех окружающих! – Она снова замолкла на мгновенье, но все же не удержалась и выпалила: – Я-то думала, мы с тобой подруги, а ты даже не рассказала о том, что Кронский оказался таким… Таким… – Она от волнения никак не могла подобрать нужного слова, но все же нашлась и неожиданно взвизгнула: – Извращенцем!

– Любочка, Любочка… – пролепетала я, но она уже бросила трубку.

Теперь, в начале июля, когда книга поступила в продажу и ее неизбежно прочтут все действующие лица, мне остается только одно – скрыться на необитаемом острове и провести там остаток жизни, прикрывая от стыда перед крокодилами и макаками срамные места фиговыми листочками, питаясь червяками и запивая их мутным, безвкусным кокосовым молоком. Но не тут-то было! Я пишу второй том, продолжая, как выразилась Любочка, обливать грязью всех окружа-

ющих. И все-таки, наверное, правильно некоторые считают меня ненормальной!

Одиннадцать утра. В дверь кто-то нетерпеливо и нервозно звонит, я бы даже сказала, по-хамски. Меня охватывает тревожное чувство, мне почти страшно – колени почему-то дрожат, а в голову закрадывается мысль: «А что, если вообще никому не открывать? Мой дом – моя крепость!» Звонки теперь звучат – один короткий, один длинный – вроде азбуки Морзе: точка, тире, точка, тире. Потом этот кто-то нажал на кнопку, и в квартире раздался настойчивый, непрерывный, раздражающий звук, подобно сирене, предупреждающей о скорой бомбежке. «Ну, не убьют же меня, в конце концов», – думаю я, и, чувствуя себя партизаном, пробирающимся по лесу в непосредственной близости от врага, решаю себя обнаружить. Два поворота ключа – и передо мной… мама. Она стоит на пороге с растрепанными волосами, бледным, пожалуй, даже серым лицом, которое выражает злость, раздражение, нетерпение, отчаяние – все вместе.

– Привет… – растерялась я. – Ты почему не предупредила, что заедешь?

– А что, не вовремя? Может, у тебя любовник? Этот… Как его?.. Ну, извращенец-то твой… Кронский.

Тут мне стало все ясно – она уже успела ознакомиться с моим сочинением.

– Да! – торжествующе воскликнула мамаша. – Я не стала ждать, пока ты получишь авторские экземпляры. Вчера

возвращалась из Фонда защиты животных и зашла в книжный магазин полюбоваться на романы родной дочери, увидела новинку и купила. Всю ночь читала и поняла, что обсуждать достоинства сего произведения по телефону просто непозволительно.

Мама изо всех сил старалась говорить сдержанно, но, казалось, она уже успела проглотить взрывоопасную гранату минувшей ночью, когда читала мое творение. Сегодня утром предохранительная чека была сорвана, и хватит одного моего неверного слова, как неминуемо произойдет взрыв.

Она кинулась на кухню, резко открыла холодильник и схватила первое, что попалось под руку, – это был стаканчик йогурта, потом отрезала горбушку белого хлеба и, намазав ее толстым слоем горчицы, механически принялась жевать – в этот момент ей было совершенно наплевать, что она ест. (Когда моя родительница сильно нервничает, она может переваривать даже гвозди.)

Затем мамаша достала из сумки книгу и, тыча ею мне прямо в нос, закричала:

– Что это?! Как ты могла так меня опозорить?! Ты из меня психопатку сделала – ненормальную, которая держит у себя дома двадцать кошек!

– Но это ведь правда, – промямлила я.

– Правда, что я психопатка? Спасибо за откровенность! Никого не забыла! Это ж надо! Эльвиру Ананьевну, эту добрейшую милую женщину, которая так хотела помочь тебе

устроить личную жизнь, которая познакомила тебя со своим неиспорченным сыном, ты сравниваешь с железобетонной плитой и дорожным катком для уплотнения грунта, чтоде она не считается ни с чьими интересами, кроме собственных, а собственные интересы у нее меркантильные и корыстные! Шурик, этот невинный мальчик, у тебя и вовсе полоумный!

«Эльвира Ананьевна из глухой, богом забытой деревеньки средней полосы России, с перебитым носом и хвостом, напоминающим помело, которая сжила со свету и отправила к праотцам четверых мужей! Шестидесятилетняя вдовица, которая мечтала женить на мне своего никчемного, инфантильного Шурика, а меня поставить за прилавок торговать тухлой рыбой! Которая движется к заветной цели, словно ракета в направлении, что сама себе задала, переступая мнения и желания окружающих – это она-то добрейшая, милая женщина?!» – возмущенно подумала я, как в этот момент мама набросилась на «ириски» в блестящих золотистых обертках, разбросанные на столе.

– Не… – Я попыталась остановить ее и сказать: «Не ешь эти ириски, козленочком станешь», но она уже проглотила три, отправила в рот четвертую и снова разразилась упреками, не дав мне вымолвить ни слова:

– А как ты, оказывается, была рада, что бабушка тогда в очередной раз сыграла на своей смерти и вызвала тебя из деревни в Москву! – В мамином возгласе слышалось злорад-

ство и одновременно радость, что ей наконец удалось вывести меня на чистую воду. – Я-то, дура, подыскиваю ей достойных женихов, а она, видите ли, влюбилась в «Лучшего человека нашего времени» – великого писателя детективов! В извращенца! Как ты могла отдаваться ему в общественных местах?! О, как низко ты пала! – театрально воскликнула она, прижав руки к груди.

Мамаша замолчала, но, видимо, для того, чтобы снова залезть в холодильник. Я стояла перед ней, словно провинившаяся школьница, напрочь забыв, что мне уже тридцать один год и в мою личную жизнь никто не имеет права вмешиваться – даже мать родная. И тут мне в голову пришла мысль, которая до этой минуты никогда ее не посещала. Ведь больше всех из-за этого романа пострадала я сама! Я выставила себя полной дурой и к тому же откровенно, со всеми подробностями рассказала о постыдном, непостижимом, на взгляд обывателя, романе с Алексеем Кронским, о том, как мы с Икки наклюкались до поросячьего визга в кафе, в самом центре Москвы, как придумали игру «на самый длинный язык» и, сидя у окна, строили рожи прохожим, как танцевали на столе, а потом устроили дебош в аптеке, где Икки работала тогда. Боже мой! Вот стыд-то!

Мама, пережевывая огромный кусок сыра и наливая в кастрюлю воду для пельменей, вдруг спросила:

– А что если это сочинение прочитает твой ненаглядный отчим?

– Ой! Я как-то не подумала о Николае Ивановиче. Не очень-то хорошо я о нем там написала.

– Какая же ты бестолочь! Как раз о нем ты написала замечательно, можно сказать, раскрыла всю его поганую натуру! – сказала она, со злостью вытряхивая пельмени из упаковки. – Но как ты не понимаешь?! Ведь если Коля прочтет роман, он узнает, что я ему изменяла! И что Новый год справляла не с тобой, а с Веней!

– Но Николай Иванович отродясь книжек не читал! А мои любовные романы ему и подавно неинтересны!

– Зря ты так думаешь! – ядовито прошипела она, вываливая недоваренные пельмени в тарелку. – После презентации твоего «Убийства на рассвете» он всем теперь рассказывает, что у него дочь (даже дочерью тебя стал называть!) – знаменитая писательша; ходит по деревне – грудь колесом, ноздри от гордости так и раздуваются, а книжку твою под подушкой прячет. Так-то! Наверно, боится, что выкрадут.

– Но есть же такое понятие, как «художественный вымысел»?

– Но только не в твоем романе! Ты даже не потрудилась имена изменить! Балда! – Мамаша схватила с полки баллончик со взбитыми сливками и принялась густо приправлять ими пельмени.

– Да не станет он читать, успокойся! Сама говоришь, книжку под подушкой держит, но не читает ведь?..

– Ой, не знаю! Пожалуй, спрячу я этот твой последний

роман.

– Куда?

– «Куда, куда!» – передразнила она меня. – Закопаю в огороде! А ты никому не дари свои авторские экземпляры!

– Да, конечно, – согласилась я и вдруг не своим голосом завопила: – Что будет, если она попадется Власу в руки?! Он узнает, что я, что Кронский, что… – и тут я потеряла дар речи.

– Дошло наконец-то!

– И никакой свадьбы?! А я настроилась, я уже распрощалась со своей свободой, я так привыкла к этому подарку… – И я указала на безымянный палец с золотым кольцом с большим овальным цейлонским сапфиром в середине. – Да и к Власу тоже привыкла… – добавила я. Говорить маме, что я его уже успела полюбить, означало бы признание того, что она была права с самого начала – когда еще в прошлом году настаивала обратить на него внимание как на достойного кандидата в женихи.

– Когда он из Германии-то приедет?

– Должен послезавтра, а там кто его знает…

– Это ж надо! Будущий муж – владелец крупного автосалона, а она: «кто его знает»! Поразительная безответственность! – возмутилась мама, но тут же утешила меня: – Твой Влас тоже не большой охотник до книг.

– Да, но его бабуся!.. Эта любительница любовных романов уж ни за что не пропустит новинку!

– С Олимпиадой Ефремовной, конечно, дело обстоит сложнее, но она такая скупердяйка, что никогда не купит на свои деньги твою книжку, будет у тебя просить.

– И что мне делать?

– А ты ее с любовных романов переключи на детективы. Завали ее книжками своего Кронского!

– Он не мой!

– Давно ли? – вызывающе произнесла она и тут же с неподдельным интересом спросила: – А вообще-то, как он? Ну… Как мужик-то хоть ничего?

– Ма-ам, – смущенно промычала я.

– Ладно, мне кажется, все обойдется, – сказала она, немного успокоившись, и вдруг воскликнула: – Слушай! Но как ты нашу бабуленцию обрисовала! Ха, ха, ха! – мама залилась смехом. – Мисс Двойная Бесконечность! Все эпопеи строчит! Ой, не могу! Нет, а как она над тобой в больнице издевалась, старая хулиганка! Хорошо хоть Власик был рядом. Ну, мне некогда, я побежала, – заключила она.

– Куда это?

– Я теперь внештатно работаю в Фонде защиты животных. Нужно обговорить вопрос насчет отправки кошек из деревни в Германию.

– Ты наконец-то решила избавиться от своих пушистиков?! – удивленно и одновременно обрадованно спросила я.

– Ты в своем уме?! – остолбенела мама. – Наоборот! Я подвизалась подбирать бездомных кошек, держать какое-то

время у себя, а потом за ними из фонда раз в две недели в деревню будут присылать машину и отправлять в Германию. Ну, после соответствующей медицинской обработки в ветеринарной клинике. – Последнее предложение прозвучало как довесок.

– А где ты собираешься их держать эти две недели? У тебя у самой их двадцать! – поразилась я.

– Коленька уже начал строить для них домик, – счастливо сказала мама и тут же, спохватившись, воскликнула: – Впрочем, зачем я тебе все это рассказываю?! Вдруг ты решишь написать продолжение, и я там снова буду выглядеть полной идиоткой. Отныне я с тобой не разговариваю!

– У тебя опять кто-то появился! – воскликнула я, чувствуя, что близка к ее разоблачению. Мамаша схватила сумку и направилась в коридор. – И он из этого самого Фонда защиты! Да? – пытливо спросила, заметив, как у мамы забегали глазки; она и сама почувствовала это, отчего вдобавок залилась краской. – Если нет, чего покраснела? – не унималась я.

– Приливы! Вот доживешь до моего возраста, узнаешь! Все! Все! Все!

– Немедленно поезжай домой! – воскликнула я, но она надула щеки в знак того, что больше ни слова не проронит, что впредь будет молчать со мной как рыба, и, повернувшись на каблуках, гордо вышла из квартиры, оставив после себя пустой холодильник, гору грязной посуды и меня – терзаемую

сомнениями и догадками: было ли кожное покраснение лица моей родительницы, а также смущенно бегающие глазки признаками климакса или это проявление того, о чем я думаю?

Мои размышления прервал звонок телефона.

– Корытникова, здравствуй, – официальным тоном проговорила Любочка – она все еще дулась на меня. – Перешли мне свою фотографию и придумай пару строк, почему ты пишешь свои романы. До свидания.

– Постой, постой, Любочка! – воскликнула я.

– Что еще? Возникли какие-то вопросы? – сквозь деловой тон проскользнула нотка желчности и язвительности.

– Как я фотографию-то пошлю?

– Корытникова! У тебя что, в компьютере нет ни одного своего снимка? Не морочь мне голову, перешли по электронной почте. Пока.

– Да нет у меня в компьютере никаких фотографий! – возмущенно воскликнула я.

– А-а… Ну тогда привези.

– Любочка, когда? Когда привезти? – радостно пролепетала я.

– Хочешь, сегодня. Хотя нет, давай завтра в двенадцать, и не опаздывай.

– До свидания, Любочка, – ангельским голосом попрощалась я.

«Все еще обижается! Ну что ж, пускай! Вообще, мне ка-

жется, обижаться – это глупо. Так не приобретешь никакого жизненного опыта. Нужно просто делать выводы из складывающихся ситуаций и поступков окружающих. А может, Любочка и сделала для себя определенный вывод и решила не подпускать меня впредь так близко? Хотя нет. Если бы она соблюдала дистанцию, не называла бы меня «Корытникова». Это как-то фамильярно, высокомерно, унизительно даже – явный признак затаившейся обиды. Вот если б она сделала вывод, то называла бы меня Мария Алексеевна – тут и расстояние соблюдается, и все признаки приличия налицо. Ну да ладно, пусть обижается, если ей так нравится чувствовать себя жертвой», – подумала я и занялась поиском своей лучшей фотографии – ведь отныне она будет красоваться на обложках всех моих еще не написанных книг.

Я выгребла из комода альбомы – большие, бархатные, допотопные, напоминающие энциклопедии и словари; маленькие, толстые, глянцевые, словно поэтические сборники плодовитых поэтов; вместе с ними на пол полетели увесистые свертки – там были фотографии, которые не поместились в альбомы. Я уселась на пол среди вороха снимков, и вдруг мне показалось странным, отчего это Любочка сначала сказала приехать сегодня, но потом внезапно переменила свое решение и перенесла все на завтра, на двенадцать часов? Хотя мне же лучше – есть время найти самую хорошую фотографию. Сначала я принялась разглядывать альбомы. До меня еще было далеко – даже моей мамы не было в проекте,

не говоря обо мне.

На самой первой странице – большая фотография, сделанная в начале прошлого века: на фоне Новодевичьего монастыря стоит настоящий паровоз с трубой; на паровозе кто где, сидя или стоя, расположились десятков шесть мужиков с бородами, усами и в фуражках, только один среди них без бороды и фуражки – мой прадед, отец Мисс Бесконечности – выделился для потомков. Сидят чинно, лица такие спокойные, будто бы только что в раю побывали и наперед знают, что снова туда попадут; глаза у них совсем другие – умиротворенные, не как сейчас у людей – беспокойные, тревожные, озабоченные чем-то…

Потом пошли бабушкины сестры, братья. Никого не знаю.

О! Мисс Бесконечность в молодости – ей тут всего шестнадцать. В круглой вязаной шапочке, с выбивающимся кудрявым чубом, в платье с заниженной талией и бусами под жемчуг до пупка. Это не ее бусы – она рассказывала, что стащила их у подруги, якобы на время, но я в это не верю.

А здесь бабушка ведет урок в интернате для умственно отсталых детей, где проработала сорок три года, – она склонилась над каким-то мальчиком и тычет ему в тетрадь пальцем; все остальные дети, словно по команде, бессознательно и отрешенно глядят в объектив.

Вот это зрелище! Мисс Бесконечность на море! Она лежит в белом хлопковом лифчике и черных трусах до талии, омываемая волнами – огромная, пышная, похожая на тюле-

ня, которого только что выбросило на берег.

А тут она сидит на высокой бетонной стене в соломенной шляпе; удачно пойманное мгновение – дует сильный ветер, ситцевая юбка поднимается кверху, надувается парашютом, обнажив ее грандиозные, мощные, словно дорические колонны, ляжки.

Наконец-то я! Год и десять месяцев. В клетчатом шерстяном комбинезоне, с разбитым носом, ем картошку из пакетика. В то время у меня было явное ожирение. Покойная бабушка – мать отца (царствие ей небесное!) – была добрейшей женщиной – она сыпала в детскую бутылочку ровно половину сахарного песка, наливала столько же кефира и трясла до образования однородной массы.

– Ефросинья Андреевна, ну зачем вы столько сахара кладете?! – возмущалась мама.

– Ой! Жалко, что ли! Он ведь дешевый! – простодушно говаривала бабушка и продолжала склонять меня к ожирению.

А этот снимок Олимпиада Ефремовна (бабушка Власа и подруга Мисс Бесконечности) случайно заметила на стенде фотомастерской, в качестве рекламы, когда мы (я, моя мама, Власик и Олимпиада) отдыхали двадцать лет назад на море. Она потребовала снять ее и купила за рубль.

На переднем плане стоит какой-то незнакомый мальчишка в вишневых плавках, напоминающий скелет из школьного кабинета анатомии, – руки болтаются, как будто у него нет

ни сухожилий, ни мышц – одни только кости, обтянутые кожей. Позади, метрах в десяти от кощея, стоим мы с Власом по колено в воде и, как всегда, ругаемся – на этот раз мы тянем друг у друга большой надувной мяч. На мне надет плавательный круг, но этого кажется мало – нужен еще и мяч. Влас, как обычно, канючит, но я нахожусь в более выгодном положении, потому что как раз с моей стороны пимпочка, через которую надувается мяч, и я тяну за нее. Влас же пытается обхватить предмет желания руками, но руки, впрочем, как и «предмет», мокрые, и ему никак не удается это сделать. В конце концов мяч лопнул, только фотограф не запечатлел такого знаменательного события. Потом мы, по обыкновению, подрались, с прерывистыми всхлипами и тяжело дыша.

Боже мой! Какой все-таки Влас был противный в детстве! У меня время от времени возникало желание придушить его, и если бы кто-то мне сказал тогда, что через двадцать лет я соберусь за него замуж, заодно придушила бы и этого кого-то.

И как раз в тот момент, когда я рассматривала фотографию с перетягиванием мяча, задребезжал телефон.

– Машка! Привет! Как же мне здесь надоело и как хочется быть сейчас рядом с тобой! Я так соскучился, ты не представляешь! – возбужденно кричал в трубку Влас.

– Я тоже соскучилась! Когда ты приедешь?

– Послезавтра. И как только приеду, ты немедленно переселяешься ко мне, мы подаем заявку в загс и отбываем на

море. Как тебе мой план?

– Замечательный план! А куда на море-то? – поинтересовалась я.

– Туда, где мы с тобой познакомились двадцать лет назад. Именно туда! Это моя мечта! Мне все время снится это место, море, станция, наш домик на берегу.

Надо же, какая сентиментальность! Ну уж этого я никак не ожидала – думала отправиться в какую-нибудь экзотическую страну…

– Ты чего молчишь? Тебе не понравилась моя идея?

– Да нет, почему?

– Я по голосу чувствую, что она тебе не по душе. Обещаю, в свадебное путешествие мы отправимся в любую точку земного шара, куда только пожелаешь. Скажи, куда ты хочешь?

– В Венецию, – не задумываясь, брякнула я. Венеция – это моя мечта. Я больше никуда не хочу. Наверное, глупо быть такой ограниченной, но Венеция – самое загадочное, неповторимое место на свете. Мне кажется, что именно там сочетается несочетаемое, то, что всегда привлекало меня, – будь то снег летом или тонкий шелковый шарфик на шее в студеную зиму. Быть может, Венеция представляется мне вовсе не такой, какая есть на самом деле, но это моя мечта.

– Маш, там так воняет застойным…

– Чего-чего? – запротестовала я, не дав ему договорить. В Венеции не может «вонять» чем-то застойным! В моем воображении воздух Венеции сохранил тонкие ароматы духов,

которыми пользовались средневековые куртизанки, соблазняя вояжеров.

– Туда лучше всего ехать в мае. Это единственный месяц в году, когда в воздухе не витают запахи разложения.

– Да ну тебя!

– Нет, если хочешь понюхать, можем отправиться на следующий день после свадьбы. Ради тебя я готов на любые жертвы! Ой, мне пора, я тебе еще позвоню. Люблю тебя очень! Пока.

– Пока, – несколько удивленно сказала я, но он этого уже не слышал.

Я снова вернулась к фотографиям: злилась, смеялась, улыбалась и, кажется, совсем забыла о том, зачем я сижу на полу среди кучи альбомов и снимков. За окном уже стемнело, а мне ведь надо выбрать самое лучшее фото для обложек будущих книг и придумать, почему я вообще пишу романы. Я судорожно принялась расшвыривать снимки: тут я уродина, тут вообще с закрытыми глазами, тут слишком толстая, тут меня вовсе нет, здесь – по-дурацки одета – нет, ну что это за позорная длинная юбка?! – да она еще, помню, из буклированного материала, поэтому и зад у меня на два размера больше, чем на самом деле. Вот хорошая фотография – я иду по дороге из леса, худенькая, в стильном платье с нежно-розовыми и голубыми цветами. Только жаль, лица совсем не видно. Помню, я тогда не хотела фотографироваться и накинула на голову кофту – как будто в парандже. Единственный

нормальный снимок, но, как назло, не видно лица! Ну, куда это годится?!

Перебрав во второй раз ворох фотографий, я наконец выбрала две и села придумывать причину, по которой я пишу романы.

А действительно, почему я их пишу-то? Непонятно. Никогда не задумывалась над этим вопросом. Пишу себе и пишу. Нет, так дело не пойдет, надо придумать какую-то вескую причину или, как говорят сыщики, мотив.

«Я пишу романы в надежде на то, что мир, глядя на поступки моих героев, станет хоть немного лучше», – черкнула я и призадумалась. Нет – слишком самонадеянно и как-то сухо. Нежнее, Маня, нежнее.

«Я описываю жизнь своих героев и их поступки. Иногда эти самые поступки могут показаться читателю фантастическими, но в том-то и состоит задача литературы – отображать реальную жизнь людей, которая подчас бывает фантастичнее самой реальности, и заставить поверить в это читателя. Вот наипервейшая задача писателя. Поэтому я и пишу свои романы!» – написала я и перечитала. Надо же, вроде бы всю душу вложила в это объяснение, а бред-то какой получился! И потом, слишком длинно.

Д-зззззз… Д-зззззз-з-з. Звонок телефона помешал мне сразу же перейти к третьему варианту.

– Машенька, деточка, ты еще не спишь? – бодро спросила бабушка.

– Нет. А ты почему в такое время еще не в кровати?

– Ой, Машенька, у меня сегодня столько событий произошло, столько событий!

– Каких событий?

– Утром меня навестил мой бывший ученик – Иннокентий Симаков, такой хороший мальчик, тихий.

– Какой еще ученик? Откуда он взялся?

– Как откуда? Учился в нашем интернате для умственно отсталых детей, в моем классе. Я уж сейчас точно не помню, какой у него диагноз был. Он еще дружил с Костей Ломакиным. Ты не помнишь Костю Ломакина? – Мисс Двойная Бесконечность в свои восемьдесят восемь лет помнила почти всех учеников поименно.

– Нет, не помню.

– Ну как же ты не помнишь! – возмутилась она. – Его еще Ломиком дразнили!

– Как я могу его помнить! Этот Ломик у тебя учился, наверное, когда меня еще на свете не было!

– Нет! Ты должна его помнить! – настаивала бабушка. – Он еще сидел за последней партой. Неужели не помнишь?

– Нет.

– Как же так! – растерялась она и снова взялась рассказывать мне о Ломике, для того чтобы я напрягла память и наконец вспомнила его. – Я все время с ним боролась. У Костика была одна ужасная привычка – стоило только раздать детям новые тетради, как он хватал их, комкал – знаешь, ша-

ры такие из них делал, под пиджак себе, бывало, запихнет, хохочет и орет на весь класс: «С грудями!», ну вроде того, что груди у него выросли, а я ругаю его и тоже хохочу. Так смешно у него получалось! Хорошие ребятки были! Так вот с ним и дружил Иннокентий.

– Ну и что? Не вижу связи! Как тебя этот самый Иннокентий-то нашел?

– Через Лиду Сопрыкину. Помнишь, девочка тоже тихая такая, хорошая? Она еще все в носу ковыряла. Так вот, оказалось, что Иннокентий живет тут недалеко, в соседнем доме.

Бабушку действительно в отсутствие Зожоров иногда навещали бывшие ученики, но об Иннокентии Симакове я никогда не слышала.

– Он, оказывается, поклонник твоего таланта, любит всякие женские романы читать. Мне сейчас даже кажется, что Лида рассказала ему: мол, Мария Корытникова – это внучка Веры Петровны, ну то есть моя внучка. Он поэтому и пришел. И знаешь, книжечку мне твою последнюю принес.

Тут меня будто обдали из шланга ледяной водой:

– Не смей читать! Немедленно пойди и выброси ее!

– Вот еще! Прямо сейчас и начну! – сказала она и бросила трубку.

Ирония судьбы! Надо же было этому дураку принести бабушке мою последнюю книжку. Теперь она узнает и об истинном количестве маминых кошек, и о том, что я курю, –

короче, обо всем, что мы с мамой от нее так тщательно скрываем.

И все-таки, почему я пишу романы? Ничего не лезет в голову. Любочка просила покороче.

Придумала! Записала. Д-зззззззз…. Неужели бабушка уже прочла мое сочинение? Нет, металлический голос автоответчика выдал номер моей подруги – Анжелки Поликуткиной (в девичестве Огурцовой).

– Маша, здравствуй. Мне надо с тобой поговорить. Ты свободна завтра в пять часов? Можно я к тебе заеду? – В трубке слышался детский рев, а Анжела говорила как-то странно, растягивая слова.

– Да, конечно. У тебя что-то случилось? Как Михаил? Вы так и не помирились? Как Стеха?

– Нормально. Пока.

Анжелкин звонок показался мне в высшей степени подозрительным. Во-первых, голос какой-то не ее, во-вторых, про Михаила даже ничего не рассказала – это совсем не похоже на Огурцову.

Дело в том, что ее благоверный после того, как данный им адвентистскому пастору обет «не пить три года» истек, пьянствовал по сей день. Он, кажется, до сих пор не ведает о том, что стал отцом во второй раз – месяц тому назад Анжела родила девочку и назвала ее в честь героини моего романа «Убийство на рассвете» – Степанидой. Как только Анжелка появилась дома со Степанидой, она тут же выгнала Михаила

и теперь в воспитании двухлетнего Кузи и месячной Стехи ей помогали родители и свекровь. Бедная Анжела! Нужно что-то срочно делать с этим чернобровым детиной – Михаилом, который добивался руки моей подруги целый год.

Тот факт, что Анжелка продолжает страдать, и известие о том, что моя книга оказалась в руках Мисс Бесконечности, неизбежно привели меня к холодильнику – в последнее время я стала замечать, что во мне проявляются не самые лучшие мамины пристрастия – когда я нервничаю, на меня вдруг нападает дикий голод, и в этот момент не имеет никакого значения ни качество, ни количество заглатываемой пищи. Перед тем как взяться за ручку холодильника, я закрыла глаза, чтобы не видеть плакатики-памятки, которые я знаю наизусть: «Прежде чем открыть эту дверь, посмотри на себя в зеркало!», «Если и это не помогает, встань на весы!», «Заклей рот скотчем!» Раз, два, три – открываю…

Холодильник пуст – мамаша здорово сегодня постаралась! И мне ничего не остается, как лечь спать на голодный желудок.

* * *

На следующий день я надела свой любимый крепдешиновый сарафан густо-шоколадного цвета с приглушенно-желтыми, размытыми подсолнухами, на широких бретелях, с юбкой, скроенной по косой, который мама вместе с мои-

ми вещами соблаговолила привезти из деревни. Нацепила крупные янтарные бусы, светло-коричневые босоножки на шпильках и вышла из квартиры. У двери, в предбаннике, как обычно, валялись мешки с мусором, в подъезде дурно пахло, как из выгребной ямы. Чертовы соседи! Вечно бросают мусор у порога! Неужели трудно спуститься по лестнице и выкинуть в мусоропровод?! И поговорить с ними невозможно – если мы одновременно собираемся на улицу, соседи стоят за дверью и терпеливо ждут, наблюдая за мной в глазок, пока я не войду в лифт. «Дикари!» – подумала я и, переступив через мешки с мусором, отправилась в издательство.

На улице вот уж который день стоит невыносимая жара. Ненавижу жару. Люблю, чтоб было пасмурно или целыми днями лил дождь. Жара убивает, иссушает меня.

Я стояла у кабинета, взмыленная, словно загнанная почтовая лошадь, и думала, как бы поэффектнее предстать пред Любочкины светлы очи. Я решила не обращать никакого внимания на ее глупые обиды, расправила плечи, высоко подняла голову, открыла дверь, и вдруг увидела Кронского. Не знаю, как получилось – то ли оттого, что я никак не ожидала увидеть здесь «Лучшего человека нашего времени», то ли из-за проклятых босоножек, то ли по собственной неуклюжести, – но я, зацепившись шпилькой о край ковролина, растянулась посреди кабинета у ног своей редакторши.

Вне всякого сомнения, мое появление получилось куда эффектнее, чем я ожидала. Кронский бросился ко мне как

ошпаренный и прошептал на ухо:

– Ну куда же ты опять пропала, моя Марья-Искусница? И почему ты села тогда, после презентации, в чужую машину? Что, перепутала?

– Ничего я не перепутала, – шепотом прорычала я.

– Мария Алексеевна, вы себе ничего не повредили? Все цело? – спросил он громко, явно работая на Любочку, следовательно, моего романа он еще не читал.

– Господи! Маша! Да как же ты умудрилась-то?! Наверное, каблуком за ковролин зацепилась. Я давно говорила, что этот половик выбросить надо, и так дышать нечем! Не ушиблась? Алексей Палыч, ну что вы рядом с ней-то улеглись? – спросила Любочка и замолкла. Она с нескрываемым любопытством смотрела на нас, боясь пропустить любую мелочь, вместе с тем нервозно поглядывала на дверь – вдруг кто-то случайно заглянет?! Наконец наступил предел – дальнейшее наблюдение могло бы привести к самым неожиданным последствиям, и она в негодовании воскликнула: – Кронский! Что это вы у нее под юбкой ищете?! Поднимайте ее, поднимайте!

– Я ощупываю, целы ли кости, нет ли переломов, – спокойно ответил он, продолжая лежать рядом со мной.

– Прекратите! Я не позволю в редакции и тем более в моем кабинете! – опомнилась Любочка – она, зная теперь о нездоровых наклонностях Кронского, наверное, испугалась, как бы чего не вышло. – Все, все, встали, успокоились. Маш,

давай фотографии.

– Ах, да! – Я наконец-то вспомнила, зачем приехала. – Вот, все здесь – и текст, и снимки.

Любочка минуты две рассматривала фотографии, потом прочла мое признание и воскликнула не своим голосом:

– Мань! Ну ты совсем, что ли, свихнулась?! Ты меня, конечно, извини, но ты девица с такой придурью!.. С такой!.. – Она никак не могла подобрать нужного слова для определения разновидности моей придури и сказала так: – Ну с такой глубокой, что на тебя нельзя обижаться, потому что на таких, как ты знаешь, не обижаются. Так что мир! – и она протянула мне руку в знак примирения.

Сначала я почувствовала облегчение от того, что Любочка наконец-то перестала дуться, но потом до меня вдруг дошло – меня обозвали дурой, и мне стало ужасно неприятно.

– Интересно, это почему я – дура?!

– Да! Какое вы имеете право обзывать дурой известную писательницу? Если бы вы были мужчиной, Люба, я бы вам дал, извините, по физиономии! – заступился за меня «Лучший человек нашего времени».

– Нет, скажите на милость, нормальный человек предоставит подобные фотографии для оформления своих книг? Я вас спрашиваю, Алексей Палыч?

– А чем тебе фотографии-то не нравятся? – удивилась я. – Самые лучшие, между прочим. Тебе что, обязательно цветные нужны?

– Ну-ка, ну-ка, дайте мне взглянуть. – Кронский схватил со стола снимки и разразился диким хохотом. Любочка не удержалась и тоже хихикнула.

– Ты не могла принести еще более раннюю? Ну, например, где ты на горшке или в пеленках? Корытникова, сколько тебе лет на этом снимке? – строго спросила она.

– Лет десять. Ну и что. Зато я тут хорошо получилась! – настаивала я.

– Какой замечательный ребенок! Просто нимфетка!

– Кронский! – угрожающе прикрикнула Любочка. – Прекратите!

– Что, я так сильно изменилась с тех пор? У меня тут даже прическа такая же, как сейчас! Посмотрите! Ну, если вам не нравится, возьмите другую, там я значительно старше.

«Лучший человек нашего времени» снова захохотал.

– А это вообще порнография! Меня убьют, если я помещу этот снимок на обложку.

– Если я в постели – это уже порнография?

– Да ты посмотри! Откровенная ночная рубашка съехала, одно плечо совсем голое, волосы распущены… Вывод напрашивается сам собой.

– Ты просто завидуешь!

– Чему?

– Моей красоте!

– Слушай, Люб, возьми ты этот снимок. Сделаете на компьютере другой фон, подправите чуть-чуть – и будет пре-

красная фотография для обложки, – сказал «Лучший человек нашего времени» и посмотрел на меня так, будто я была аппетитным пирожным и он вот-вот собирался меня проглотить.

– Ну, а с этим что делать? – пропищала Любочка. – Это ж надо было такую чушь написать: «Я пишу романы, потому что больше ничего не умею, а кушать-то всем хочется!»

Алексей снова засмеялся.

– Ну вас! – обиделась я. – Ничего вы не понимаете!

– Да что тут понимать-то?! Все это никуда не годится!

– Я привыкла быть честной по отношению к читателям и не собираюсь придумывать всякую чепуху о музах и вдохновении.

– Правильно, Марусь, извините, Марья Лексевна. И потом, краткость – сестра таланта.

– Вы оба ненормальные! – прокричала Любочка и вдруг бухнула ни с того ни с сего: – Может, помиритесь, а? Нет, Мань, ну а чего ты на меня так смотришь? Ты мне приносишь какие-то дурацкие фотографии, Кронский вообще переключился с детективов на любовные романы!

– Правда? – поразилась я.

– Правда, правда! Зачем мне тебя обманывать? Это он попросил вытащить тебя сегодня в полдень. Все канючил: «Устрой нам встречу, устрой нам встречу!» Что, скажете, не так было, а, Алексей Палыч?

– Вы, Люба, Иуда! – будто сделав для себя вывод, прого-

ворил «Лучший человек нашего времени».

– Какая наглость!

– Марусь, а что тут наглого? Я ведь никогда не писал любовных романов, думал, ты мне поможешь. Я и дискету тебе с первой главой привез, чтобы ты почитала.

– Ой, ну ладно, идите, сами разбирайтесь! Мне работать надо, – сказала Любочка, а Кронский схватил меня за локоть.

– Пусти меня! – прошипела я.

– Я тебя держу, а то снова грохнешься.

– Не грохнусь!

– Марусь, ну не будь такой жестокой! – говорил он мне в лифте. – Вернись ко мне.

– Кронский, оставь меня в покое, я замуж собралась, – выпалила я, а когда посмотрела на него, вдруг почувствовала то же, что чувствовала год тому назад, когда впервые увидела его в коридоре редакции – высокого, стройного, с зачесанными назад вьющимися светло-русыми волосами, соболиными, почти черными бровями и носом, чуть похожим на клюв хищной птицы. От него и теперь слабо веет его любимой туалетной водой…

Он сказал мне тогда: «У-у, какие музы сюда заглядывают!» И сейчас, когда я стояла так близко от него, у меня, как и тогда, закружилась голова. Двери лифта раскрылись, и тут я вспомнила его измену: как застала его в новогоднюю ночь вот в таком же лифте с толстенной вульгарной теткой. Они стояли в недвусмысленной позе, полураздетые… Этого я не

смогла простить. Встряхнув головой, я будто сбросила с себя вновь нахлынувшее чувство любви и нежности к «Лучшему человеку нашего времени» и твердо сказала: – Пока, Кронский, я тороплюсь.

– Нет! – В его голосе слышался ужас – казалось, он больше всего боялся того, что я сейчас уйду и он никогда не увидит меня.

– Ну что, что тебе нужно-то?

– Поговорить, – сказал он серьезно, что ему было совершенно несвойственно. – Я подвезу тебя.

Я долго не решалась сесть к нему в машину.

– Не съем же я тебя, в конце концов! Садись! – и он буквально запихнул меня в салон.

– Говори!

– Ты правда выходишь замуж?

– Ой, ну какого еще от тебя разговора можно было ожидать! – усмехнулась я и попыталась выйти, но дверца была закрыта. – Выпусти меня!

– Марусь, выходишь замуж – выходи, это твое дело! Что ты так возмущаешься? Я хотел поговорить с тобой насчет своей будущей книги.

– Ты что, и вправду переключился на любовные романы?

– Ага.

– У тебя так хорошо идут детективы, а любовные романы пишут в основном женщины.

– Мои любовные истории предназначены для мужчин.

Почитай начало, ладно?

– Ну, хорошо, – согласилась я. – А ты уверен, что твои сочинения будут пользоваться спросом?

– Конечно, моя «Уходящая осень».

– Перестань вспоминать этот дурацкий салат!

– Замечательный салат! И назвала ты его романтически – «Уходящая осень», – мечтательно протянул он и тут же спросил: – Не поделишься рецептом?

– Яблоки, крабовые палочки, подсолнечное масло, мускатный орех. Все перемешать и украсить листьями татарского клена…

– Слушай, выходи лучше за меня замуж, ты ведь на самом-то деле меня любишь.

Вылезти из машины я не могла – дверца была закрыта, к тому же мы ехали на большой скорости – оставалось лишь молчать.

– Я тебе обещаю исправиться. Я ведь теперь, Марусь, лечусь. Хожу регулярно к сексопатологу и психотерапевту, – исповедовался он мне.

– И как, помогает?

– Откуда я знаю?! У меня ведь с зимы никого не было. Давай эксперимент проведем?

– Какой еще эксперимент?

– Ну, ты сейчас пригласишь меня в гости, и мы посмотрим, помогает или нет. А то, может, я деньги на ветер выбрасываю?

– Пошляк, – заметила я и, подумав, добавила: – Не буду я тебе с романом помогать.

– Это почему же?

– Потому что роман – повод сбить меня с пути истинного, а я замуж собралась.

– Призналась! Призналась! – он обрадовался, как мальчишка. – Ты сама боишься своих чувств, боишься с пути сбиться, потому что еще любишь меня!

– Вот глупости! – фыркнула я.

– Значит, не пригласишь меня к себе? – спросил он, остановив машину у подъезда.

– Вот глупости! – повторила я и пробкой вылетела на улицу.

Я ворвалась домой – щеки пылали, внутри все дрожало. «Эх, ты – Любочка, Любочка! И зачем тебе нужно, чтобы мы с ним помирились?» – все крутилось у меня в голове.

Может, я не замечаю очевидного – того, что видят все вокруг, может, я обманываю себя, вбив в голову, что люблю Власа?

Кронский для меня, что маленький комочек варенья на самом кончике чайной ложки, варенья не простого, а дающего на время беспредельное счастье и блаженство – варенья, приготовленного не из сливы или клубники, а из индийской конопли. Зелье, к которому хочется прибегать снова и снова, чтобы вновь побывать в поддельном, суррогатном рае, подобно неисправимому гашишисту, который жизнь отдаст

за зеленоватый комочек «варенья» на кончике чайной ложки. Но, как обычно, за любое удовольствие и наслаждение следует платить. В данном случае безволием и самоуничтожением.

Кронский – это соблазн, который сравним только с запретным плодом – если вкусить его, потеря спокойствия и благополучия обеспечена.

Жизнь с Власом есть воплощение земного рая, только без дерева с запретными плодами. А какой рай без дерева с запретными плодами?

Кронский снова ворвался в мою жизнь; он подобно цунами сносил в моей душе все благочестивые намерения и правильные, удобные для жизни мысли и представления о безмятежном будущем. И что я за человек такой непостоянный и отходчивый? Как пластилин! Из меня может кто угодно слепить все что заблагорассудится. Нет! Так нельзя! Я не желаю думать о Кронском! Это губительные мысли – они разъедают мое сердце, как соляная кислота (одна из самых сильных), которая растворяет все металлы, стоящие в ряду напряженности аж до водорода! В конце концов, он меня предал, променял на жирную крашеную блондинку с черными у корней волосами и маленькими, невыразительными глазками. Я сказала себе еще полгода тому назад, что никогда в жизни не свяжусь с «Лучшим человеком нашего времени» и не намерена менять своего решения. Влас сейчас далеко – от этого и мысли всякие глупые в голову лезут.

Но я ничего не могла с собой поделать и продолжала думать, думать… Как вдруг задребезжал домофон.

Анжелка! Неужели пять часов?! После вчерашнего маминого нашествия холодильник до сих пор оставался пустым – мне даже подругу угостить нечем! А Огурцова «поесть не любит».

Я открываю дверь, и мною овладевает такое чувство, будто бы до этого я стояла перед скрытой занавесью картиной, зная наверняка, что на ней изображено, но когда вдруг сдернула ткань, увидела совершенно не то, что ожидала. Передо мной стояли все члены нашего содружества.

Все они стояли на пороге и злобно глядели на меня.

– Что, не ждала? – с усмешкой спросила Анжелка. После родов она еще больше раздалась и теперь несоответствие ее нижней и верхней части было поистине комическим – до того места, где по идее должна быть талия – пятьдесят шестой размер, а выше – пятидесятый. Вообще выглядела она плохо – лицо круглое, отечное…

– Почему? Тебя ждала, – я совершенно растерялась и тупо уставилась на друзей. – Что-то случилось?

– Случилось, – грозно проговорила Огурцова, и все они вдруг стали надвигаться на меня.

Я тут же догадалась, что случилось и почему они все вместе посредством Анжелкиной хитрости завалились ко мне – наверняка прочитали книгу и им не терпелось выяснить отношения.

– У меня толстые, упрямые ноги, да? И я стала балалаечницей только потому, что тупая и больше ни на что не способна? – с каждым вопросом Огурцова делала шаг вперед, заталкивая меня в глубь квартиры, остальные же с ненавистью смотрели мне прямо в глаза. Только Пулька давилась от смеха. Мне вдруг почудилось, что они пришли меня убить. – Отвечай! – гремела Огурцова, выталкивая меня из коридора в кухню, однако объяснений дожидаться не стала и продолжила допрос: – Моя главная проблема была в том, что до двадцати девяти лет я оставалась девицей? А как ты посмела трогать моих родителей? Какое тебе дело до их увлечений? Ну и что же, что они любили индийское кино, занимались йогой и уринотерапией?! Значит, мой отец подкаблучник? – спросила она и приперла меня к балконной двери.

– Девочки! Ну что вы стоите и молчите! Ведь она меня сейчас с третьего этажа сбросит! – закричала я, по-настоящему испугавшись.

– Так тебе и надо! – вдруг отозвался мой лучший друг и бывший сокурсник Женька. – Не будешь пасквили писать!

– Но я написала всю правду! – крикнула я и вдруг поняла, что действительно ничего не придумывала. – Я описала вас так, как вижу и воспринимаю. В каждом человеке есть что-то хорошее и что-то плохое! А вам нужно, чтобы я вас приторно-сахарными изобразила?! Говорите, про кого я хоть единое слово выдумала? – расходилась я.

– Действительно, что вы к Машке-то пристали, – заступи-

лась за меня Пульхерия.

– А ты вообще молчи! Ты даже о себе не удосужилась прочитать? – вопрошающе крикнула Икки.

– Я Манин роман прочла от корки до корки. Он мне, кстати, понравился, и я совсем не обижаюсь на нее, что она моих предков-гоголеведов там высмеяла. Это действительно ненормально – всю жизнь искать пуговицы, сапоги и уж тем более утерянное при перезахоронении ребро Гоголя! А то, что ей не слишком по душе моя профессия гинеколога, – это ее дело!

– Не то чтобы не по душе, а просто я не понимаю, зачем ты устроила у себя дома музей заспиртованных кистом и всяких там других штук, – разъяснила я ей.

– Вот именно, ей просто непонятно. Что ж теперь на человека кидаться?

– Тебе понравился ее роман только потому, что ты кроме него ни одной художественной книги за свою жизнь не прочитала! – вспылила Икки.

– Икки, а чем ты-то так недовольна? По-моему, в романе видно, что Машка к тебе прекрасно относится, всю жизнь тебя жалела – и когда ты кости себе постоянно ломала, и когда в своем фармацевтическом техникуме училась, и когда в аптеке работала. И про бабку твою ненормальную написала, которая тебя дурацким именем окрестила! Ты какая-то свинья неблагодарная, честное слово!

– Вот именно, теперь все будут знать, что мое имя рас-

шифровывается как Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, а имя моего отца Роблена – родился быть ленинцем.

– Ну что же делать, если у тебя была такая бабушка? Из-за нее от вас даже отец сбежал – между прочим, ее собственный сын – и вернулся только спустя девять лет после смерти старушки – видно, боялся ее возвращения с того света!

– Ничего смешного! – неожиданно уверенным тоном проговорил Женька. – Зачем тебе нужно было всем рассказывать, что я – ошибка природы, что мне нужно было родиться девочкой; кричать на всех углах о том, что я рассказал тебе по секрету, как меня чуть было не изнасиловала в юности сорокадевятилетняя вдова на подмосковной даче? Что у меня никогда не было женщин, а влюбляюсь я лишь в мужчин, да и то на расстоянии? И эта твоя книга выходит именно тогда, когда я влюбился, когда мы с Икки подали заявление в загс!

Я молчала. Я чувствовала свою вину и не знала, как теперь исправить эту чудовищную ошибку.

– Ой! Овечкин! Да кому ты нужен! – снова вступилась за меня Пулька. – Вы только посмотрите на него! Тоже мне звезда нашлась! Ты что, публичный человек?

– Да! Я довольно известный переводчик в своих кругах! – заносчиво прогремел он.

– Вот и сиди, переводи свои инструкции по эксплуатации унитазов и электродрелей! Известный он!

– А ты консервируй свои кистомы! На большее ты не спо-

собна!

– Овечкин, сейчас договоришься, что я тебе тоже кое-что законсервирую!

– Перестаньте, перестаньте ругаться! – воскликнула Икки.

– Да отойди ты от меня! От тебя перегаром разит! – Я оттолкнула Анжелку и наконец отошла от балконной двери.

На мои слова о том, что от Анжелки разит перегаром, в эту минуту никто не обратил внимания – всем было не до того.

– А я бы, Икки, на твоем месте помалкивал! – крикнул Овечкин. – После того, что я о тебе прочитал, я вообще отказываюсь на тебе жениться! Ты самая настоящая шлюха!

– Что-о??? – возмутилась Икки.

– Что слышала! Шлюха! Вот кто ты! С кем ты только не переспала! А я тебе достался девственником! Я вообще в этой жизни еще ничего не познал! Теперь мне надо наверстывать упущенное! Свадьбы не будет! – категорически заявил он, и в эту же секунду к нему подскочила бывшая невеста и с наслаждением влепила размашистую пощечину, после чего все вдруг замолчали – все, кроме Пульки – ее это Иккино действие то ли привело в восторг, то ли у нее истерика началась. Непонятно, но она неожиданно заржала, как ослица:

– Ио-гооо! Игого! Иооо!

Я, чтобы хоть как-то привести подругу в чувство, сильно дернула ее за руку. Она взглянула на меня влажными от слез

глазами и снова залилась:

– Игого! Иоогого!

Овечкин же в это время забился в угол, закрыл лицо руками и тихо проговорил:

– О, Икки, как вы будете стыдиться своего поступка!

После этих его слов Пулька моментально пришла в себя, перестала ржать и с жалостью посмотрела на Женьку.

– Овечкин! Прекрати цитировать Достоевского! – воскликнула Икки. – Нет, ну вы посмотрите на него – он теперь у нас униженный и оскорбленный князь Мышкин!

Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, я пролезла между Икки и Женькой и затараторила:

– Постой, постой, Женька! Ты ведь много лет дружил с нами, с Икки. Ты прекрасно знал и до моей книги, какой она человек, с кем общается, с кем спит, в конце концов! Но несмотря ни на что ты ведь ее полюбил!

– Молодец, Мань, молодец! Очень хорошо сказала, – поддержала меня Пулька и в знак одобрения потрясла за руку.

– Знал! – Женька задумался. – Но когда прочитал это… Понимаете, когда ее действия были отображены, собраны в одной книге, я все это вдруг воспринял совсем по-другому. Короче, когда это написано на бумаге, возникает такое впечатление… Будто это на камне высечено, а камень тот на Красной площади на всеобщее обозрение выставлен, а рядом с ним мы все… голые. Прощайте! Мне больше нечего сказать! – воскликнул Овечкин, хлопнул дверью и ушел.

Мы недоуменно смотрели друг на друга, не зная, что сказать по поводу этой Женькиной выходки, – для нас всех его уход был полнейшей неожиданностью.

– Маша, что же ты натворила! – в ужасе прошептала Икки и заревела.

Мы втроем теперь уставились на нее.

– Я вам всегда говорила, что даже самый совершенный мужчина недостоин последней подзаборной женщины-пропойцы! – заявила Пулька.

– А от Анжелки перегаром несет! – ни с того ни с сего выдала я, наверное, действительно крепко вжилась в роль кляузницы.

– Да? Ну-ка, ну-ка, – и Пулька, подскочив к Огурцовой, принялась ее обнюхивать. – Правда! Анжел, ты что, с Михаилом для укрепления семейных уз поддавать начала?

– Отстаньте от меня!

– И отечная ты какая! – прицепилась к ней Пулька. – Точно пила! Это я вам, девчонки, как врач говорю!

– Подумаешь, выпила вчера бутылку пива, – нехотя призналась Анжелка и закурила.

– Да ты и куришь?! – я была поражена до глубины души. Наша правильная, верующая Анжела снова начала курить!

– А как же Стеха? – сквозь слезы спросила Икки.

– А что Стеха? Молока у меня все равно нет.

– С бутылки пива не будет так разить перегаром, – не унималась Пулька.

– Две бутылки я вчера выпила! Честное слово!

Пульхерия недоверчиво и пристально смотрела на нее.

– Ну, две по два литра, а сегодня ноль пять с утра. Успокоилась?

– Ты меня удивляешь! Вы с Михаилом вместе, что ли, теперь пьете? Вы помирились?

– Одна я пила! Ночью, когда дети спали.

– Пить в одиночку – это прямой путь к алкоголизму! – высказалась Икки – она уже не плакала.

– Вам хорошо рассуждать. Мне можно в одиночку, потому что я сама – мать-одиночка! У меня не квартира, а Содом и Гоморра! Дети орут, будто их режут. Да от такой жизни не только спиться, а повеситься можно! И еще… Ну да ладно… – Она хотела что-то сказать, но передумала. Перед нами была прежняя Анжелка, которую мы знали до того момента, когда она еще не ходила в православную церковь, а потом не перешла в секту адвентистов Седьмого дня, не вышла замуж за рослого чернобрового детину Михаила и не родила Кузю. Она снова курила, ругалась матом и, более того, начала пить.

– Почему это «ладно»? Сказала «а», говори «б»! – не унималась Пулька.

– Ну не знаю даже. На душе так погано, девочки, так погано! Выпила вчера этого пива…

– И что? – вытягивала из нее Пулька.

– Как будто туда дурь какую-то подмешивают! – воскликнула она и снова замолчала.

– И что? – снова спросила Пульхерия.

– Что, что! Выпила бутылку и решила пастору позвонить, посоветоваться, что с Михаилом делать! Пока разговаривала, все подливала себе, подливала. И совсем окосела. Не знаю, сколько времени было, знаю только, что неприлично ему так поздно звонить. Но это еще что! Он мне все мол: крепись, дочь моя, поможем… – Она снова замолкла.

– И что? – в третий раз спросила Пулька – у нее от любопытства даже рот приоткрылся.

– А я ему – да, мол, вашу мать, поможете вы!.. И послала его на три веселых буквы! – Хоть Анжелке и хотелось всегда выглядеть очень важной и серьезной, она часто пускала в ход глупые фразеологизмы времен детского сада. – Представляете – пастора, святого отца, туда послать прямым текстом! Что он теперь станет думать о нашей семье?

– Муж и жена – одна сатана! Вот что! – сквозь смех прокричала Пулька.

– А кто сейчас с детьми-то? – поинтересовалась я.

– Мой отец со свекровью.

– А Нина Геннадьевна где?

– Где ж моя мамаша-то может быть?! В церкви, за свечным ящиком, на своем боевом посту. Она сегодня во вторую смену работает, а отец отпросился.

– И все-таки, Маша, что же ты натворила?! Я теперь опять одна! А мы с Женькой так полюбили друг друга! Немецкий язык начали изучать… Он утром, как проснется, говорит

мне: «Гутен морген!», а я ему…

– «Гутен морген, гутен таг, шлеп по морде, будет так!» – перебила ее Анжелка, вспомнив глупую детскую присказку.

– Машка нам всем раскрыла глаза, что Овечкин такая же сволочь, как и все мужики! Зря мы его только в содружество приняли! Пригрели змею на груди! И вообще, лучше б он в женщину переделался – дурочки мы, что отговорили его от операции! Как баба Женька был бы ничего! А теперь он все деньги, накопленные непомерным трудом, спустит на проституток и наверняка наверстает упущенное, – выпалила Пульхерия и, поймав мой укоризненный взгляд, удивилась: – Ну, а что я такого сказала-то?!

– Я решила уйти с работы, – вдруг заявила Икки.

– Это еще почему? Даже не вздумай! – запротестовала Пулька.

– Овечкин меня в издательство устроил, он там каждую неделю ошивается, а я не смогу на него смотреть.

– Ну, не знаю, – призадумалась Пулька. – Это тебе самой решать, только подыщи сначала что-нибудь приличное. Я надеюсь, ты не собираешься возвращаться в аптеку?

– Не приведи господи! – отмахнулась Икки.

– Я тут с одним проктологом познакомилась, – хитро сказала Пулька. – Такой мужик серьезный, может, он тебе насчет работы что посоветует – у него полно знакомых.

– Ой, девочки, простите меня! – всхлипнула я.

– Да ладно, что мы, не родные, что ли, – понимающе про-

говорила Икки и, толкнув Огурцову в бок, спросила: – А, Анжел?

– Забыто, забыто! К тому же ноги у меня и вправду выдающиеся – сорок второго размера, – призналась Анжелка.

– А чего дуться-то, Маня ведь все как есть написала, – сказала Пулька, и я почувствовала, что никто из содружества на меня больше не обижается, если не считать Женьку, но он ведь не коренной член содружества, а так – одно лишь недоразумение (пардон за каламбур).

– Ты что, Пуль, уже отдохнула от мужского общества? – колко спросила Анжелка. – Помню, ты вроде говорила, что они тебе все до чертиков надоели.

– А что мне? Аспирантуру я закончила, кандидатскую защитила. Можно и развлечься. Маш, как у тебя с Власом дела?

– Пока хорошо.

– Почему пока?

– Вот прочитает мою книжку, узнает о Кронском и поступит точно так же, как Овечкин. А может, и хуже.

– Ну и дураком будет! – заметила Пульхерия. – Кстати, передай ему, что машиной я довольна.

– Маленькая она какая-то, – возразила Анжелка.

– Для твоей задницы только «Линкольн» подойдет, – съязвила Пулька.

Дело в том, что Пулька купила в автосалоне Власа самую маленькую, компактную машину, как она говорит – «дам-

скую». В автомобилях я совершенно не разбираюсь, но эта новая Пулькина машина горчичного цвета напоминает мне божью коровку, и я все время предлагаю перекрасить ее в красный цвет, а сверху с помощью трафарета налепить черные кружочки. Пулька бесится и называет меня «темнотой».

– И все-таки с Михаилом нужно что-то делать, – вдруг сказала Икки. – Мань, ты ведь писатель, придумай что-нибудь. На Анжелку смотреть больно!

– Но что ж я придумаю? – растерянно проговорила я, и вдруг в голову мне пришла одна идея: – Слушай, Анжел, а ты не знаешь, что побудило Михаила три года назад дать обет не пить?

– Да что там знать-то! Нажрался до невменяемого состояния, сел за руль совершенно пьяным и перевернулся в кювет. Чудом жив остался, – проговорила Огурцова и добавила: – Ему еще, кажется, тогда видение было. Будто бы сам Господь с небес к нему сошел и сказал: мол, еще раз спасу тебя, раб Михаил, а потом тебе крышка. Ой! Как-то нехорошо я говорю-то, – и Анжелка горячо перекрестилась, шепча: «Прости, Господи!»

– Просто замечательно! – обрадовалась я.

– Да что замечательного-то?! – удивилась Пулька.

– Я тоже что-то ничего не пойму, – отозвалась Икки.

– Нужно создать подобную ситуацию для Михаила, после которой он якобы чудом останется в живых, и внушить ему, что это последнее его чудесное спасение. Вот увидите, он сам

побежит давать обет, и не на каких-то там три года, а на всю оставшуюся жизнь.

– Я не понимаю, ты хочешь ему подстроить автокатастрофу? – поинтересовалась Пулька. – Уж не при участии ли моей новенькой машины?

– Не знаю, не знаю, – деловито бросила я и тут же спросила Огурцову: – А у него бывают провалы в памяти?

– Да он как пить начал – вся его жизнь превратилась в один сплошной и глубокий провал, – ответила она.

– Я что-то не поняла насчет моей машины, – не унималась Пульхерия.

– Да успокойся ты, я думать буду.

– Зря я за тебя, Маня, заступалась, очень напрасно! – воскликнула Пулька.

– Ой, пойдемте, девочки, а то снова поссоримся, а это нам вовсе ни к чему, – проговорила Огурцова и, подталкивая подруг к двери, шепнула мне на ухо: – Ты, Мань, подумай, подумай насчет дорожно-транспортного происшествия.

После ухода подруг я заглянула в холодильник – он был по-прежнему пуст, никто ничего туда, естественно, не положил, а идти за продуктами было слишком поздно. Я села в кресло и, задрав ноги на журнальный столик, принялась бессознательно переключать телевизионные каналы. Я чувствовала, что в жизни всех членов содружества произошли перемены исключительно по моей вине. Единственным моим оправданием было то, что я написала всю правду. Но кому

она была нужна, эта правда?

Д-зззз-з-з… Мои печальные размышления были прерваны телефонным звонком, чему я несказанно обрадовалась и схватила трубку.

– Машка, что ж ты, каналья, про меня написала-то?! – послышался в трубке разъяренный голос Мисс Бесконечности. Неужели она так быстро прочитала роман? Невероятно! – Я уже отправила письмо министру культуры! Как это он мог допустить, чтобы обо мне вышла такая ужасная книжка?!

После презентации моего романа «Убийство на рассвете», которую устроили в книжном магазине полтора месяца назад, Мисс Бесконечность постигло глубокое разочарование. Она-то была уверена, что это ее (и ничей больше) звездный час по поводу грандиозной эпопеи о нелегкой жизни преподавателя интерната для умственно отсталых детей, уместившейся на четырех страницах тонкой ученической тетради. Она бросила писать продолжение, впала в двухнедельную депрессию, а потом вернулась в литературу, но уже совсем в ином качестве. Теперь моя бабуля обратилась к давно и несправедливо забытому эпистолярному жанру, коему отдавали предпочтение такие великие творцы античности, как Эпикур, Сенека, Цицерон, не говоря уж о Плинии Младшем! А в эпоху классического рационализма и просвещения форму послания вообще использовали как способ придания этакой непосредственности интеллектуальному общению – взять, к примеру, «Письма к провинциалу» Паскаля.

А «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина? А Чаадаев с его «Философическими письмами»? А Гоголь, наконец, с мистическими, поистине пророческими «Выбранными местами из переписки с друзьями»!!!

Вот и Мисс Двойная Бесконечность решила вдохнуть жизнь в уже, казалось бы, похороненный и преданый забвению эпистолярный жанр и тем самым стать достойной последовательницей замечательных вышеупомянутых гигантов мысли. Теперь она строчила письма всем подряд и по любому случаю.

Бабуля уже успела отослать длинное послание мэру столицы, где «во первых строках своего письма» описала дела давно минувших дней, начиная с того момента, как совестливый ее отец Петра, который, подрабатывая, заменял пожарного, стуча в какую-то колотушку и звоня в колокольчик, случайно нашел на одном из пожаров села Судогда, где проживало тогда многочисленное бабушкино семейство, спер банку варенья и не смог пережить такого позора, в результате чего бежал от людского суда с семьей в Москву, за что Мисс Бесконечность ему говорит огромное спасибо, так как онаде именно с того момента стала коренной москвичкой.

Вслед за детальным и обстоятельным рассказом о том, как она стала коренной москвичкой, моя родственница принялась грубо льстить городским властям: мол, какая Москва стала красивая, благоустроенная, какие клумбы разбили во двориках (просто чудо! смотреть приятно!), какие понастро-

или площадки для детей (теперь ребятишки могут играть в футбол за ограждениями и не бояться автомобилей, которые, как ненормальные, ездят по улицам с недопустимой скоростью). Таким образом, умаслив мэра во второй части эпистолы, бабушка переходит к третьей – основной, ради которой, собственно, и затеяла всю эту писанину.

Зачем, мол, ее, старого человека, руки которого сорок три года продержали мел, а ноги столько же лет простояли около классной доски интерната для умственно отсталых детей, истязают в связи с обменом паспорта старого образца на новый?! Почему ее в восемьдесят восемь лет должен тащить на себе неизвестно куда любимый, слабый здоровьем сыночек – Жорочка, единственно только для того, чтобы расписаться на какой-то промокашке? А теперь еще какая-то карта москвича! *«Принесите мне ее домой сами! Я, наверное, все-таки это заслужила!»* – настойчиво требует Мисс Бесконечность у градоначальника.

К утопающей в дегте ультиматумов и укоров третьей части письма бабушка не скупясь добавляет половник льстивого, приторного меда в качестве эпилога: *«Вы прекрасный мэр! И я вас очень люблю! Если бы вы уделили старушке часок своего драгоценного времени – посетили бы меня с тортиком и букетом цветов, а заодно захватили и карту москвича, я была бы вам весьма признательна и полюбила б вас еще сильнее!*

С уважением, преданная вам коренная москвичка Вера

Петровна.

P.S. Нельзя забывать стариков! Нужно внимательно к ним относиться, причем к таким, как я, особенно!» – назидательно закончила свое письмо Мисс Бесконечность, а на конверте написала*: «Москва. Кремль. Мэру. От заслуженного учителя страны, ветерана труда Веры Петровны Сорокиной».*

Теперь бабушка отправила очередное письмо министру культуры, где описала истинное положение литературы на сегодняшний день, в частности об аморальных романах некой Марии Алексеевны Корытниковой.

– И кого ты на сей раз использовала в качестве посыльного? – поинтересовалась я.

– Иннокентий сегодня утром отнес на почту.

– Я смотрю, этот Иннокентий у тебя прописался! У него что, своей квартиры нет? – подобными вопросами я пыталась отвлечь Мисс Бесконечность от обсуждения моего творения.

– Это почему у него квартиры-то нет? – возмутилась она. – Ему по окончании нашего интерната выделили сначала комнатку в Кузьминках, а когда дома стали ломать, он отдельную квартиру и получил, тут неподалеку.

– Он один там живет?

– Один. Жениться ведь ему нельзя. Такой спокойный мальчик в детстве был. Катя Кучкина сидела сзади него… Мань, ты помнишь Катю Кучкину?

– Нет, не помню.

– Ну, как же! – расстроилась старушка. – Она сидела сзади Иннокентия и все время рисовала у него на голове какие-то треугольники химическим карандашом. Послюнявит-послюнявит – и давай калякать. Мальчишек тогда всех наголо брили. Так он и ходил с разрисованной черепушкой. Помню, весь в треугольниках. А ты попробуй химический карандаш-то ототри! Нет, вот вспоминаю, хорошие у меня все-таки ребятки были!

– Да, бабуля, и все это благодаря твоему воспитанию, – подмазалась я, чтобы старушка окончательно забыла о цели своего звонка.

– Конечно, не зря ведь имею знак «Отличник народного просвещения»! Ну, до завтра, деточка, спокойной тебе ночи!

– И тебе, бабуля, – промурлыкала я и положила трубку, думая, что склероз иногда – это совсем неплохо.

Но не тут-то было! Телефон опять зазвонил. трубку пришлось снять.

– Ты мне зубы не заговаривай! – снова закричала мне в ухо Мисс Бесконечность. – Мои руки сорок три года мел продержали, а ноги у классной доски столько же лет простояли! Я тебя воспитала! А ты из меня старую маразматичку сделала! – Она замолчала, подумала, а потом вдруг сказала назидательным тоном: – Не так нужно было написать, Маша.

– А как?

– Надо было самую первую главу назвать «Моя бабушка».

В ней перечислить все мои заслуги перед государством, написать о моей доброте, бескорыстности, о том, как я тебя воспитывала, свинью неблагодарную! – Она опять замолчала и вдруг спросила как ни в чем не бывало: – Мань, а что это у тебя там за мужик, в белом костюме? Ты вроде бы, как я поняла, влюблена в него, но все время почему-то сознание теряешь – то в туалете, то в парке – на самолете, то на кладбище. Он тебя по голове, что ли, бил?

– Да, бабуль, представь себе, – облегченно сказала я – значит, про меня с Кронским она ничего не поняла.

– То-то я смотрю, ты какая-то придурковатая в последнее время стала. А у матери все-таки не шесть кошек, а двадцать! Вы мне все врали! Значит, Поля изменяла своему Николаю с охранником! Ха, ха, ха! Так ему и надо, пердуну старому! – Мисс Бесконечность, казалось, разговаривала сама с собой, как вдруг ее осенило: – Постой-постой, да этот мужик в белом костюме тебя не бил… А! – в ужасе воскликнула она на вдохе, будто увидела за окном летающую тарелку, из которой вышел зеленый гуманоид и, ступая по воздуху на уровне четвертого этажа, прямой наводкой направлялся к ее окну. – Вы с ним… Он тебя… Ты ему… Прямо на улице… Я только теперь все поняла! – заключила она и властным тоном проговорила: – Значит так. Завтра обе чтобы были у меня! Мне помыться надо. – Это был приказ.

– Но я завтра не могу. Завтра Влас приезжает!

– Н-да?

– Да. И мама тоже занята, кажется, – осторожно заметила я.

– Н-да? И мама занята! Какая незадача! Ну, тогда завтра с утра я позвоню Олимпиаде Ефремовне, поболтаем с ней по душам: о тебе, о Власике, о вашей свадьбе, о человеке в белом костюме… – сказала она и, не дожидаясь ответа, бросила трубку.

Честное слово, реакция близких мне людей и одновременно действующих лиц моего романа можно сравнить с построением гоголевского «Ревизора». Вот уж поистине комедия в пяти действиях! В первом действии заглавная роль всецело принадлежит Любочке, во втором – маме, в коем она опасается, как бы Николай Иванович не узнал о ее постыдной связи с охранником ювелирного магазина, в третьем – пожалуй, кульминационном – на сцену выходят сразу все члены нашего содружества, в четвертом – Мисс Бесконечность поучает автора, как надо было бы написать роман о ней, пятое действие еще не сыграно, но догадываюсь, что в качестве заглавной роли в нем выступит Кронский, когда прочтет о себе. А в немой сцене, вероятнее всего, я буду играть и за городничего, и за его жену с дочерью, и почтмейстера, и Луку Лукича, и Землянику… А роль ревизора, несомненно, исполнит Влас, после чего «занавес опускается», и моя свадьба и последующая жизнь с Власом (воплощение земного рая без дерева с запретными плодами) полетит в оркестровую яму.

Я находилась в полном замешательстве, я не знала, что

делать, и в панике набрала мамин номер:

– Ах, это ты, – томным голосом отозвалась мамаша, но тут же воскликнула: – Ты чем меня вчера накормила?! – и, перейдя на шепот, сказала: – Я со вчерашнего дня из сортира не вылезаю! Я так из-за тебя опозорилась! Ты себе представить не можешь!

– Это ириски.

– Какие еще ириски? – возмущенно спросила она.

– Ты слопала шесть ирисок, что лежали у меня на столе.

– Я не понимаю!

– Это был регулакс – слабительные ириски. Нужно принимать по полкубика на ночь, а ты шесть штук проглотила.

– Ты что, не могла меня предупредить? – разъяренно воскликнула родительница. – Нет, все-таки бабка врет, что она тебя в детстве не роняла. Пока. Некогда мне сейчас с тобой разговаривать!

– Нет! – взревела я. – У нас ЧП!

– Что за ЧП? – спросила она и перешла на шепот: – Я не одна, ты понимаешь? Давай утром обо всем поговорим, а еще лучше днем.

– Нет! Это дело не терпит отлагательства! Бабушка прочитала мою книжку, она требует, чтобы мы завтра к ней приехали, иначе утром расскажет все обо мне и Кронском Олимпиаде! Ты понимаешь, что это значит?

– Ч..! Кто! – Она не могла выговорить ни слова. – Как эта книга могла попасть к ней в руки?! – наконец выпалила она.

– Какой-то ее бывший ученик из интерната – поклонник моего творчества – принес почитать.

– Вот! Вот кто тебя читает! – обличительно закричала мамаша, будто наконец постигла, в чем таится корень мирового зла. – Одни только умственно отсталые бабушкины выпускники! Сейчас, Гришенька, уже иду, – последнюю фразу мама сказала не мне – более того, она даже прикрыла трубку ладонью, чтобы я не смогла ее расслышать, но на слух я никогда не жаловалась. – Я бы на твоем месте сделала соответствующие выводы! – прогремела она и тут же спросила совершенно спокойным голосом: – Не могу найти свой тональный крем. Дорогой, французский. Я, наверное, его у тебя забыла.

– Да ты вообще не доставала косметичку. Но как быть с бабушкой?

– Нет, она еще спрашивает! Завтра придется к ней ехать.

Значит, все же не зря я вчера терзалась сомнениями и догадками после ухода мамы. Стало быть, кожное покраснение лица моей родительницы, а также смущенно бегающие глазки вовсе не являлись признаками климакса, а суть проявление того, о чем я подозревала – у мамы снова кто-то появился. И этот «кто-то» наверняка из Фонда защиты животных, куда она так скоропалительно устроилась на работу.

* * *

Рано утром мы встретились с мамашей в метро и отправи-

лись к бабушке. Всю дорогу родительница в унисон со скрежетом колес поезда пыталась мне что-то доказать, но что именно, я расслышать не могла – лишь переходя с одной ветки московского метрополитена на другую, я улавливала отрывки ее возбужденного разговора самой с собой:

– Всю жизнь! Всю жизнь она не давала мне удачно выйти замуж! Помню, придет ко мне в гости приличный мужчина, не рвань там какая-нибудь! Ты же знаешь, за мной всегда ухаживали высокопоставленные чиновники, государственные деятели… Так вот, придет с кучей подарков, с цветами. Она все подарки выхватит и в лучшем случае скажет: «Иди, Поля, поговори с молодым человеком минут пять» и вытолкнет меня вместе с ним на лестничную клетку. А то, бывало, презенты сцапает и скажет: «Нечего к Польке шляться, она замуж вышла!» а на самом-то деле я одна-одинешенька! И скольких она мужиков отвадила! Вот и придется мне теперь век коротать с ограниченным, скудоумным Николаем Ивановичем…

Снова загремели колеса поезда, а мама все продолжала жаловаться на жизнь – в этот момент родительница напомнила мне рыбу – широко раскрывая рот, она, казалось, не издавала при этом ни единого звука.

– Ты тоже хороша! – воскликнула она, когда мы наконец вышли из прохлады подземки на солнцепек. – Вспомни, как в детстве за мной следила! Скажи честно, это она тебя науськивала? Ну, теперь-то скажи?

Но я не сказала, а ответила вопросом на вопрос:

– Кто это у тебя вчера в гостях был так поздно?

– Опять двадцать пять! – рассердилась она. – Кто-кто! Конь в пальто! Кстати, ты не нашла у себя мой дорогущий тональный крем?

– Да не может его у меня быть! Ну, кто? – привязалась я.

– Приходила одна женщина из Фонда защиты обсудить вопрос перевозки бездомных кошек из деревни в Москву.

– Эту женщину Григорием зовут? – ехидно спросила я.

– Отстань от меня! Ты до сих пор за мной следишь: все подслушиваешь да вытягиваешь. Это не твое дело! Займись своей личной жизнью! Тебе уже скоро тридцать два года!

– Да что ты так злишься! Я ведь из добрых побуждений.

– Знаю я твои добрые побуждения! Сначала из людей все выуживаешь, а потом в книжках своих об этом пишешь! Это по твоей милости мы сейчас по пеклу к дорогой бабушке тащимся!

Мама даже звонить в дверь не стала – открыла своим ключом.

– Иди, что стоишь как бедная родственница! – воскликнула она и пихнула меня вперед, я споткнулась и упала на что-то мягкое прямо на пороге.

– Уродина!

– Я что, виновата, что ли?! Тут какие-то сумки понаставили! – взвыла я.

– Мусор, наверное, – предположила мамаша. Дело в том,

что в целях экономии Зожоры не пользовались помойным ведром – у них его отродясь не было. Вместо него в кухне на дверной ручке обычно висел старый, изношенный в походах по магазинам и продовольственным рынкам полиэтиленовый пакет, куда они швыряли отходы жизнедеятельности. Один пакет применялся в качестве помойного ведра неоднократно, как, впрочем, и лавровый лист, который дядя, использовав однажды, вылавливал из супа, промывал и сушил на разделочной доске, бережно храня до следующего приготовления первого блюда.

У порога стояли набитые до отказа пакеты, видимо, предуготовленные для дальнейшей утилизации на городской свалке, с заботливо перевязанными моим дядюшкой рваными ручками.

– Никакой это не мусор! Это мои вещи! – завопила Мисс Бесконечность из комнаты.

Мы с мамой открыли дверь и застыли на месте от неожиданности и изумления. За так называемым столом (который представлял собой стул с доской, на обратной стороне которой был инкрустированный портрет Сергея Есенина) на шатком табурете сидел… молодой человек, худой, с выдающимся вперед животом, отчего напоминал рахита; с всклокоченными псивыми какими-то волосами, с безумными, круглыми водянисто-серыми глазами и слишком пухлыми, влажными губами.

– Ой, здгасте! – картавя, воскликнул он фальцетом и вско-

чил с табурета.

– Это мой бывший ученик – Иннокентий Симаков, я тебе о нем, Маш, говорила. Ну, помнишь, тот самый, которому нельзя жениться и которому Катя Кучкина все время рисовала на голове треугольники химическим карандашом? – пояснила бабушка.

– Мама! Как ты можешь при человеке…

– А что тут такого?! Будто он не знает свой диагноз! Вот, не забывает свою первую учительницу, гостинчики принес, – добавила она и указала на два почерневших банана.

– Здравствуйте, – ошалело ответила мама.

– Иннокентий, это вот эта – писательша-то, – и бабушка презрительно кивнула в мою сторону.

– Ой! – снова взвизгнул он, потом помолчал с минуту, глядя в одну точку, и, словно очнувшись от глубокого сна, крикнул: – А я вас помню, Магия Лексевна! Вы один газ сидели на угоке у Вегы Петговны за последней пагтой, а я впегеди. Вам тогда тги года было, а я в тгетьем классе уже учився, – сказал он так, будто это была его заслуга, и мечтательно добавил: – Я люблю ваши гоманы читать.

Стало быть, он старше меня на семь лет, а выглядит, будто ему и тридцати еще нет – «вечный юноша». И как ему удалось так хорошо сохраниться? Наверное, оттого, что он ни о чем не думает.

Иннокентий, сказав, что любит читать мои романы, словно выключился – и вдруг он принялся пускать пузыри, да

так сосредоточенно, будто в мире не было ничего важнее и существеннее этого занятия.

Мамаша старалась не смотреть на бывшего бабушкиного ученика и строго спросила:

– А зачем ты свои вещи перед дверью выставила?

– Как зачем? – удивилась Мисс Бесконечность. – Я сегодня переезжаю.

– Куда это ты переезжаешь, позволь узнать?

– К тебе, – заявила старушка. – Сейчас Иннокентий поймает такси, и я поеду к тебе, буду у тебя жить.

– С какой стати ты собралась жить в чужой квартире? Даже я не прописана у Николая! И потом, на днях я уезжаю в деревню! – возмущалась мама.

– И я с тобой, – настаивала Мисс Бесконечность. – Что я тут одна-то сидеть буду?! Жорочка с дачи только осенью вернется…

– Нет! – гаркнула мама. – Это невозможно!

– Что значит – невозможно?! Кошкам можно, а матери нельзя? Мать на кошек променяла?! – грозно воскликнула Мисс Бесконечность.

В этот момент огромный пузырь Иннокентия лопнул, и он принялся надувать другой.

– Что за глупости?! Ты прописана в этой квартире, завещала ее своему любимому Жорику, а я вообще живу на чужой территории на птичьих правах! Как ты себе представляешь свое существование у чужого человека? Да Николай ни

за что на это не согласится! Хватит! Закрыли вопрос. Разгружай свои сумки и пошли мыться. Ты нас с Маней, кажется, именно за этим сегодня к себе вызвала?!

– Меня Иннокентий вымоет! – прошамкала старушка и поджала губы – она обиделась и ни с кем не желала больше разговаривать.

– Ты что, совсем с ума сошла? Это вот этот, этот… Он будет тебя мыть?! – Мама была вне себя и уже не обращала ни малейшего внимания на бывшего бабушкиного ученика, пускающего пузыри, – он, впрочем, тоже не ощущал нашего присутствия.

– Что тут такого, подумаешь! А вы можете убираться отсюда, но знай, Поля, я уже написала письмо твоему Николаю. Написала, что ты ему изменяла с охранником ювелирного магазина! И если ты меня не заберешь к себе, Иннокентий сегодня же его отправит!

– Дай сюда письмо! – взревела мамаша. – Немедленно!

– Черта с два! Оно в надежных руках!

– Жалкая шантажистка!

Пока мама с бабушкой вели словесную перепалку, мне удалось завлечь Иннокентия на кухню и перехватить письмо.

– Спасибо, Иннокентий, я очень горжусь, что среди почитателей моего таланта есть такой замечательный человек, как вы. Только у меня будет к вам одна просьба – не говорите Вере Петровне, что отдали письмо мне. Хорошо?

– Гадно, – пообещал он и прыгающей походкой направил-

ся в комнату. Я же заперлась в туалете и принялась читать письмо.

«Многоуважаемый Николай Иванович! – снова врала Мисс Бесконечность – она ни капельки не уважала Николая Ивановича и обзывала старым пердуном. – *Это вам ваша теща пишет, Вера Петровна. Я не могу спокойно спать и жить, зная, что вы ничего не знаете!*

Моя дочь и ваша жена – Полина Петровна – всю зиму изменяла вам с охранником из ювелирного магазина по имени Веня (это предложение бабушка выделила красным фломастером). Сама же я всегда была верной своему супругу и, схоронив его двадцать семь лет назад, так и останусь чиста перед ним до самой гробовой доски! Все думаю, в кого Полька уродилась?.. Вроде не было у меня никого, на нее похожего. Прямо ума не приложу!

Если хотите поподробнее обо всем узнать, то пригласите меня к себе в деревню, я вам еще и не такое расскажу!

С уважением, ваша теща Вера Петровна».

– Где письмо? – все еще допытывалась мама.

Бабушка молчала.

– Дай мне его сейчас же!

– Нету у меня его!

– Где ж оно?

– У Иннокентия, – наконец раскололась Мисс Бесконечность.

– Иннокентий, будьте так добры, отдайте мне письмо.

– Оно у Магии Лексевны, – забыв об обещании не выдавать меня, ответил он.

– Предатель! – взвизгнула бабушка. – Уходите все! Не надо меня мыть! – Но, подумав, выдвинула очередное требование: – Если Машка отдаст ему письмо, тогда пойду в ванну.

– Нет, – сказала я. – Письмо не выдержало первичной цензуры!

– Тогда убирайтесь все! – злобно крикнула она и буркнула: – Я новое напишу.

Мама еще долго рылась в вещах старушки в надежде аннулировать данный ей когда-то по глупости свой деревенский адрес. Мисс Бесконечность в это время сидела на кровати, болтала ногами и хохотала. Потом вытащила из-под подушки записную книжку и отдала дочери:

– Возьми и вырви его оттуда! Он мне не нужен!

– Наконец-то! – облегченно вздохнула мама и, вырвав листочек, спросила: – Тебя точно не нужно мыть?

– Нет, доченька, я чистая, поезжайте с богом, – вдруг ласково и смиренно пролепетала она. – И ты, Иннокентий, тоже ступай.

– Мам, ты на меня не обижаешься? – судя по всему, сердце моей родительницы в этот момент переполнилось от нежности к своей матери, душу грызла совесть, и она метнулась назад, в комнату.

– Ну что ты, Поленька, ни капельки. Я вас с Машенькой больше всех люблю. Вы у меня – номер один! Не переживай.

Мама поцеловала бабушку в дряблую щеку и вышла в коридор со слезами умиления на глазах.

– Не переживайте, девочки! – крикнула нам вслед Мисс Бесконечность. – Я адрес деревни наизусть знаю! – Она выпалила точный адрес и властным учительским голосом прокричала: – Кеша, обязательно зайди ко мне завтра утром!

– Тьфу! А я-то ей поверила! Гнусная старуха! Шантажистка! Кляузница несчастная! И ты вся в нее уродилась! – кричала мамаша в лифте.

Иннокентий молча плелся с нами до метро, хотя зачем, если он живет в соседнем доме с шантажисткой и кляузницей, я никак не могла понять.

– Ну, до свидания, Иннокентий, – вежливо попрощалась я.

– Ой! До свидания, – сказал он, однако избавиться от бывшего бабушкиного ученика оказалось не так-то просто – он несколько секунд постоял на месте и теперь снова шел за нами на расстоянии десяти шагов.

В отличие от мамы, которая продолжала возмущаться и не обратила ни малейшего внимания на то, как Иннокентий прыгнул в соседний вагон, я всю дорогу испытывала на себе равнодушный, ничего не выражающий взгляд его пустых телячьих глаз. Мы распрощались с мамашей в метро, и всю дорогу я ощущала на своей спине чей-то настойчивый взгляд.

Наконец я решила спрятаться и, завернув за угол собственного дома, притаилась в ожидании увидеть рахитичную

фигуру Иннокентия. Я не ошиблась! Буквально через минуту появился вечный юноша в стоптанных ботинках с развязанными шнурками, в клетчатой рубашке с расстегнутыми манжетами, в потертых, старых джинсах со сломанной (или не застегнутой?) молнией на ширинке. Он в растерянности огляделся по сторонам – куда же подевался объект наблюдения?

– Ты зачем за мной следишь? – грозно спросила я. Он вздрогнул и остановился как вкопанный.

– Ой! Вы меня обескугажили!

– Так зачем?

– Пгосто так.

– Тебе Вера Петровна велела за мной следить?

– Не-е, – попятился он, и тут у меня в голове молнией пронеслась одна совершенно бредовая идея, которая даже не успела сформироваться – она только загорелась искрой в моем мозгу, и я тут же начала действовать.

– Послушай, Иннокентий, ты ведь, кажется, один живешь, да?

– Угу.

– А ты не мог бы мне помочь в одном деле? – спросила я. Лицо Иннокентия просияло бессмысленной, какой-то блаженной улыбкой.

– Да! Да! Я гади вас на все, на все готов! – закричал он и вдруг ни с того ни с сего согнул в локтях руки и принялся сжимать и разжимать пальцы, словно повторяя про себя:

«Мы писали, мы писали, наши пальчики устали».

– Ты бы мог предоставить мне свою квартиру дня на два или на сутки? – Улыбка моментально слетела с его лица – подобно шелковому платку с ноги модели, не побритой, а обработанной специальным кремом, замедляющим рост волос. – А сам в это время побудешь с Верой Петровной. Я тебе заплачу!

Он стоял и смотрел на меня, как баран на новые ворота, – что на уме у этого человека, понять было невозможно, и я испугалась, жалея, что попыталась воплотить свою еще несформировавшуюся, смутную и неопределенную идею в жизнь.

– А женишься? – вдруг спросил он.

– Чего? – не поняла я.

– А ты тогда женишься на мне?

– Ну конечно женюсь, жалко, что ли! – легко согласилась я и попросила номер его телефона. – Когда мне понадобится твоя помощь, я тебе позвоню. Договорились?

– А ского?

– Очень скоро. И больше не следи за мной – это нехорошо. Понял? – Я погрозила ему пальцем.

– Если поцелуешь меня, больше не буду, – заявил Иннокентий. Я посмотрела на него – целовать бывшего бабушкиного ученика не было ни малейшего желания, но в то же время я чувствовала, что это просто необходимо для дела.

– Поцелуй лучше ты меня, – предложила я.

– Можно, да? – смущенно краснея, спросил он.

– Конечно, – запросто сказала я и, схитрив, протянула ему свою руку.

Иннокентий вцепился в нее и принялся мусолить, будто бы это была игрушка для прорезывания молочных зубов.

– Ну, все, все, хватит. Я тебе позвоню, – сказала я и побежала домой немедленно отмывать руку.

* * *

Я ворвалась домой и сразу же залезла в душ – у меня вдруг возникло странное, чудное ощущение: будто я долгое время находилась внутри того самого пузыря, который так сосредоточенно надувал вечный юноша, сидя у бабушки в комнате. Пока я нещадно драила себя жесткой мочалкой с антибактериальным мылом, в голове все отчетливее и определеннее формировалась моя идея. Поначалу она была похожа на газету, разорванную на мелкие клочки; мозг мой терпеливо собрал все кусочки и, сложив один к одному, смог наконец прочитать всю ее от начала до конца.

Вылетев из ванной, я, обмотанная в полотенце, сразу же бросилась звонить Анжелке.

– Машенька, Анжела не очень хорошо себя чувствует, – замялся ее отец.

– Она что, заболела?

– Да как сказать… Вы говорите, что нужно, я ей передам.

– Не надо мне ничего передавать! – послышался Анжелкин голос, потом она принялась что-то доказывать Ивану Петровичу и в конце концов дико завизжала – видимо, отвоевывала трубку. – Чо надо? – нагло спросила она.

– Анжел! Что у вас там происходит? – удивилась я.

– Ничего, – тяжело вздохнув, ответила она и икнула.

– Ты опять выпила? – укоризненно спросила я.

– А ты меня осуждаешь? – Огурцова была на грани невменяемости.

– По-моему, это тебе нужно обет давать, а не Михаилу! – разозлилась я. – Я придумываю, как твоего супруга от пьянства отвадить, иду на жертвы, – тут я вспомнила, как мою руку измусолил бывший бабушкин ученик и что позволила я это ему исключительно для пользы дела, – а сама-то от него далеко-то не ушла!

– Осужда-аешь… – разочарованно протянула она и снова икнула. – Так брось в меня камень! – развязно крикнула она. В этот момент трубкой снова каким-то образом удалось завладеть ее отцу:

– Машенька, вы говорите, я завтра утром ей передам. Анжелу можно понять, не судите ее строго. Кто ж знал, что все так обернется?

– Да, конечно. С кем не бывает! Передайте ей, чтобы она завтра подъехала в наше кафе к пяти вечера. Это касается Михаила.

– Что-то случилось? – испугался Иван Петрович.

– Нет, ничего.

– Хорошо, я все передам. До свидания, Машенька, удачи вам и творческих успехов, – искренне сказал он и повесил трубку.

Решив, что теперь на Анжелку полагаться нельзя, я немедленно набрала Пулькин номер и передала без утайки весь разговор с пьяной подругой и ее отцом.

– Она совсем сдурела! Что она себе позволяет! Двое маленьких детей на руках! Михаил пьет, она пьет! Что ж это получается? – возмущалась Пуля.

– Получается, дети алкоголиков растут, – не к месту ляпнула я.

– Не смешно. Надо что-то делать!

– У меня есть план насчет Михаила.

– Только оставь в покое мою машину!

– Да успокойся ты со своей «каракатицей»! Давайте завтра встретимся в нашем кафе и все обсудим.

– В пять.

– Как обычно. Слушай, а ты не заедешь за Анжелой? Вдруг она снова… Ой! Мне кто-то в дверь звонит!

– Кто-то! Наверное, Влас твой приехал!

– Точно! А я в банном полотенце сижу!

– То, что надо! – усмехнулась она.

Я бросилась открывать дверь – что ж за дни такие сумасшедшие – ни минуты покоя!

Это действительно был он. Я повернула ключ и крикнула,

чтоб сразу не входил, потому что еще не одета. В ту же секунду Влас распахнул дверь и успел схватить меня за край полотенца. Полотенце слетело, я стояла в чем мать родила, дверь так и оставалась открытой, и в этот момент в проеме появилась фигура соседа с мусорным мешком в руке. Толстяк застыл на месте, не сводя с меня глаз. Не знаю, от неожиданности, удивления или по привычке швырять мусор у порога, он уронил мешок на пол. В этот миг я напрочь забыла, что стою голая, и решила наконец высказать соседу все, что думаю о нем, о его пигалице-жене с тонной косметики на лице и двух детках, которые визжат до полуночи и не дают мне сосредоточиться и спокойно работать. Судя по всему, они сняли эту квартиру на довольно длительный срок, но бесстыдно лгут, что купили ее. Этот вывод я сделала, потому что несколько лет тому назад бывшая соседка со слезами на глазах поклялась мне здоровьем усопшей бабушки никогда не продавать этой квартиры, после того как два часа простояла у закрытой двери – прежние съемщики установили новую железную дверь и поменяли замки. А памятью покойных, как известно, не шутят, и уж тем более здоровьем – так что эти хмыри точно снимают квартиру! И каково было удивление бывшей моей соседки, когда после томительного двухчасового ожидания вместо скромной, интеллигентной женщины с пучком на затылке и в очках (которая снимала квартиру) она вдруг увидела пятерых здоровяков в камуфляжной форме с автоматами! Женщина с пучком на

затылке и в очках оказалась вовсе не интеллигентной, более того, она оказалась аферисткой и занималась тем, что зарабатывала на жизнь, пересдавая чужие квартиры. Эту, соседнюю, снимал сначала какой-то мужик, который все лето проходил в кожаной кепке, будто скрывал под ней не лысину, а сверхсекретные сведения о новейшем оружии массового уничтожения, потом две девицы, явно легкого поведения – к ним постоянно ходили мужчины преклонного возраста с охапками цветов и подарков, потом какой-то не то болгарин, не то югослав, потом чинная немецкая пара – прожили они недолго, месяца два, а цель их поездки, как я догадывалась, заключалась в том, чтобы наконец-то, выйдя на заслуженный отдых, посмотреть на мир и миру показать накопленный вследствие поглощения жареных сосисок, сдобных булочек и баварского пива свой старческий жирок. Каждое утро, кроме понедельника (когда все музеи и исторические усадьбы закрыты), они выходили в кроссовках из «нехорошей» квартиры № 24, а возвращались усталые, но довольные только под вечер. Как говорил один мой институтский преподаватель, древний профессор-пушкинист, приезжают сюда эти пенсионеры-иностранцы не для того, чтобы на шедевры галерей наших российских глядеть, а исключительно из вредности – воздух в музеях портить да паркет своими кедами протирать.

Но это не главное, что волновало меня. Больше всего меня поражало свинство нынешних жильцов – этой молодой

семейки со своим вечно кричащим выводком. Мешки с мусором, коробки из-под игрушек и бытовой техники, бутылки из-под пива и тому подобную дребедень они швыряли прямо под моей дверью – вонь в подъезде развилась страшная, и вместе с этой вонью развелись и крысы. Одна из них постоянно сидит за мусоропроводом и обнаглела настолько, что даже когда я выношу ведро, она никуда не убегает, а нагло смотрит на меня, будто спрашивая: «Ну, чем на сей раз порадуешь?»

– И до каких же пор вы будете устраивать у меня под дверью помойку?! – грозно воскликнула я. – Вам что, трудно спуститься на девять ступеней вниз и выбросить эту гадость?

Я приблизилась к нему почти вплотную – его глаза, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит, лоб покрылся испариной, очки съехали на кончик носа.

– Я и нес, – растерянно пробурчал он.

– Ничего подобного. Я застала вас на месте преступления! Влас! Ты видел, как он бросил мешок прямо у моей двери?

– Маша! Немедленно оденься!

– У меня свидетель есть! – не унималась я.

– Вы действительно лучше б оделись! – вдруг ощерился сосед, а Влас наконец-то сообразил и захлопнул дверь прямо у него перед носом.

– Я у себя дома! Как хочу, так и хожу. И нечего подглядывать! А это дело я просто так не оставлю! – кричала я, надеясь, что толстяк меня слышит.

Вдруг Влас схватил меня за плечи и тихо спросил:

– Это кто?

– Как – кто? Сосед!

– Ты с ним спала?

– Чего?

– Ты спала с ним?

– Ты с ума сошел?!

– Тогда почему ты с ним в таком виде разговариваешь?!

– Потому что ты с меня полотенце сдернул!

– И все-таки между вами что-то было, – пробормотал он.

– Кроме каждодневной кучи мусора около моей двери между нами ничего не было! И потом, я просила тебя подождать минутку, предупредила, что не одета! Так тебе нужно было проявить свою резвость! – гордо сказала я и ушла в комнату.

– Ну, прости меня. Не будем ссориться, ведь мы целую неделю не виделись! – воскликнул он и провел ладонью по своим жестким, коротко подстриженным каштановым волосам. Потом подошел ко мне, попытался обнять, я выскользнула и скрылась в ванной с платьем и косметичкой. – Ты что, все еще обижаешься?

– Нет, просто хочу одеться.

Я надела шелковое платье – алое с черными маками и одинаково глубокими вырезами как спереди, так и сзади, потом долго пыталась собрать волосы в пучок, но это никак не удавалось сделать, я плюнула и завязала на макушке хвост.

– Что ты там возишься! Мне кажется, ты по мне совсем не соскучилась! – крикнул Влас.

– Отойди от ванной, я спиной чувствую твое дыхание и не могу как следует причесаться, – сказала я, но в этот момент я уже рьяно красила щеки – мне казалось, что они должны быть ярче цвета платья, иначе я буду иметь бледный вид.

Когда я наконец вышла и Влас осмотрел меня со всех сторон, он вдруг категорично заявил:

– В ресторан мы сегодня не поедем.

– Почему?

– Мы поедем сразу ко мне.

– Почему?

– Нет, нет, платье, конечно, очень красивое, и ты просто великолепно выглядишь…

– Тогда почему мы никуда не поедем? – недоумевала я.

– Именно поэтому. На тебя все будут пялиться, пожирать глазами. Нет, нет, я этого не переживу. Это все мое! – воскликнул он и сгреб меня в охапку. – Собирай вещи. Ты забыла, что с сегодняшнего дня будешь жить у меня?

– Неохота. За вещами завтра приеду.

– Тогда поехали. Я стол накрыл…

Влас жил в трехкомнатной квартире рядом с метро «Бауманская», в сталинском кирпичном доме. Лет десять назад это была пятикомнатная коммунальная квартира. В одной из комнат проживал горький пьяница, в другой – старая карга – бывшая девственница с кривыми ногами и горбом, вредная

и злая, которую в пьяном угаре и по доброте душевной лишил чести пухлый, огромный крановщик, что занимал третью комнату; две остальные принадлежали Антонине Ивановне – давней знакомой Олимпиады Ефремовны.

Антонина Ивановна была ее коллегой, правда, преподавала в обычной средней школе в начальных классах. Вообще это была яркая личность во всех отношениях – она знала множество анекдотов, любую историю могла рассказать так, что все с хохоту покатывались, любила брать деньги в долг и умудрялась не возвращать их даже друзьям, продолжая поддерживать с ними прекрасные отношения, в любой момент могла пустить слезу (особенно эффектно это получалось в двух случаях – когда она вызывала у собеседника жалость к себе и к своей нелегкой, неудавшейся жизни, а также в случае сочувствия, понимания, живейшего участия к ближнему, изливающему ей свою душу). Обожала подарки, особенно от родителей своих учеников, но при этом была совсем не жадной и могла отдать, как говорится, последнюю рубашку. Порой яркость этой женщины была настолько ослепительной, что как-то незаметно, сама собой переходила все границы приличия, превращаясь в аляповатость. Особенно это касалось ее манеры одеваться – она любила слишком сочные, ядовитые расцветки, любила носить давно вышедшие из моды кримпленовые платья, кофточки с люрексом и тому подобные наряды.

Лет семнадцать назад мы снимали у нее дачу в Подмос-

ковье, и Олимпиада сразу же предупредила Мисс Бесконечность, чтобы та ни под каким предлогом не давала хозяйке в долг, однако у бабушки ничего не вышло – она никак не могла отказать обаятельной Антонине Ивановне, к тому же доводы для заема денег были настолько убедительны, подчас трогательны, а увлажненные голубые глаза так правдивы, что Мисс Бесконечность не в силах была ничего с собой поделать, с радостью давала деньги, в результате чего к концу лета Антонина Ивановна была должна ей ровно такую же сумму, какую мы заплатили ей за три месяца пребывания на даче. И что самое интересное, она умудрилась не только не отдать деньги, но и окончательно влюбить в себя бабушку – так, что та на следующее лето снова поехала к ней отдыхать.

Помню, у Антонины была собака – огромный черный дог по имени Грация, премилое, добрейшее существо со зловещим баском. Однажды, уже под утро, когда все спали, в дом проникли два мужика. Собака как спала в углу на ватном одеяле, так и продолжала спать, даже ухом не повела. Мужики недолго думая расположились на террасе и тоже заснули младенческим сном.

Утром, как только мы с бабушкой увидели совершенно незнакомых людей, безмятежно посапывающих на диване, кинулись будить Антонину. Та с растрепанными волосами вылетела к ним, затем призвала Грацию и принялась ругать ее, на чем свет стоит. Псина смотрела на нее человеческими, но ничего не понимающими глазами, потом подошла к

мужикам и одному из них вдруг лизнула руку, что привело хозяйку в еще большее негодование.

– Дармоедка! В дом воры забрались, а ей хоть бы хны! Гавкнула бы ради приличия! – бесновалась она.

Кончилось тем, что Грация от страха залезла под стол, а мужики, потупив глаза, смущенно ретировались.

Как потом оказалось, весь этот спектакль был устроен, чтобы спасти репутацию и не уронить свое честное имя в глазах моей бабушки, которая для Антонины Ивановны вот уже второе лето подряд служила в качестве кассы взаимопомощи. Тот мужик, которому Грация так опрометчиво, с детской доверчивостью и наивностью лизнула руку, был тайным любовником Антонины, причем далеко не единственным. Это я узнала буквально час спустя, когда хозяйка, сев рядом с обиженной собакой на ватное одеяло, говорила следующее:

– Ну, прости свою хозяйку, прости дуру несчастную. Видишь, как нехорошо получилось, я же не думала, что Федька только под утро придет, да еще с каким-то мужиком. Мы с тобой его до часу ждали, он всегда так и приходил, а тут черт его подери! Ну, прости свою Тонечку! – воскликнула она, вытянув губы трубочкой для поцелуя. Грация прошлась языком по ее лицу, что означало полное примирение. – Ты мое золото! – умилилась хозяйка и принялась осыпать псину щедрыми поцелуями.

Так вот эта самая Антонина Ивановна-то и помогла Вла-

су приобрести квартиру на Бауманской. Мало того что она продала ему две свои комнаты, так еще за определенную (причем немалую) плату умудрилась расселить всех жильцов. Больше всего возмущалась старая карга – она, которая в семьдесят шесть лет наконец-то утратила девственность, ждала очередного подходящего момента, когда крановщик снова напьется до такого состояния, в котором сможет обратить на нее внимание как на женщину.

Но в конце концов все жильцы были выдворены из квартиры, Влас занялся благоустройством гнездышка, Антонина Ивановна переехала с кучей денег на дачу. Все, казалось, были счастливы, за исключением старой карги, но буквально через месяц в стране случилась инфляция, и Антонина Ивановна потеряла все свои деньги – осталось ровно столько, чтобы приобрести корову и навсегда поселиться на даче. По сведениям Олимпиады Ефремовны у Антонины на сегодняшний день уже три коровы, два бычка, овчарка и целый подряд строителей из ближнего зарубежья, которым она по доброте душевной, а также по женской слабости сдает полдома за умеренную плату. Ее же, розовощекую и раздобревшую, теперь можно увидеть торгующей молоком и творогом у Савеловского вокзала.

Квартира, в которой раньше жила Антонина Ивановна с соседями, претерпела крутые изменения. Из пятикомнатной она превратилась в просторную трехкомнатную – Влас снес две стены сразу как въехал. Все тут было как-то монумен-

тально и основательно, и стоило мне только появиться у него дома, как вспоминалась сказка о Машеньке и трех медведях: «Кто спал на моей кровати? Кто ел из моей тарелки?» Все вещи лежали на своих местах – тут было слишком чисто, аккуратно – такое впечатление, что в этом доме никто не живет. Одежда – в шкафах, носки – в ящиках, книги не разбросаны по всей квартире, как у меня, а стоят рядами на полках в кабинете. Когда входишь в просторный коридор, сразу видно, что это не библиотека или продолжение кухни – что предназначен он исключительно для переодевания и не несет больше никаких побочных функций – тут только шкафы, вешалка, калошница, зеркало и низенький резной табурет. Спальню тоже нельзя ни с чем перепутать – там все для сна – широченная кровать под атласным покрывалом, тумбочка со светильником, музыкальный центр (Влас любит перед сном послушать звуки моря, говорит, что это успокаивает), несколько пастельных пейзажей на стенах… В кабинете два кожаных дивана, полки с книгами, компьютер на столе и очень удобное ортопедическое кресло.

В гостиной – длинная стенка с баром, домашний кинотеатр, глубокие уютные кресла, диван, журнальный столик и по углам в деревянных кадках огромные пальмы с листьями, напоминающими огромные веера.

– И отчего у тебя всегда так чисто? Ты сам убираешься или к тебе домработница приходит? – спросила я его как-то.

– Нет у меня никакой домработницы, я просто ничего не

разбрасываю, а вещи сразу кладу на место. – Это его, наверное, Олимпиада в детстве вышколила, ну ничего, я быстро тут «порядок» наведу.

Сегодня обычная опрятность квартиры была несколько нарушена: в гостиной накрыт стол – всевозможные вина, фрукты, икра… А в центре огромный букет красных роз – видимо, Влас этим букетом лишний раз хотел напомнить мне о своей любви.

Он торжественно взял меня за руку и повел в спальню – постель была разобрана; белые шелковые простыни, пол, тумбочка – все было усыпано кровавыми лепестками роз.

– Здорово! – воскликнула я, а сама подумала: «Из рекламы слизал».

– Ну что, сначала перекусим? – спросил он.

– Да, да, – согласилась я и метнулась в гостиную. Я ведь два дня голодала – после того как мамаша опустошила мой холодильник, мне все было недосуг зайти в магазин и купить поесть.

Влас налил вина и несколько высокопарно произнес:

– Выпьем за нашу любовь, Машенька… – Он, видимо, хотел еще что-то сказать, но я не могла смотреть на всю эту вкуснятину.

– Да, да, за нашу любовь, – поддакнула я, опустошила бокал и набросилась на еду.

В мой желудок летело все, что видели глаза, без разбора – котлеты по-киевски, оливье, икра, окорок, сырокопченая

колбаса, внушительный кусок торта «Наполеон», осетрина. Я налетела на еду подобно стае среднерусской саранчи, которая, передвигаясь со скоростью тридцать километров в сутки, умудряется при этом уничтожить всю зеленую растительность, вплоть до стеблей, колосьев, плодов и даже коры! Я не ела, а скорее поглощала то, что было на столе, не видя ничего вокруг и не воспринимая вкуса того, что ем. Наконец, когда дело дошло до фруктов и я с жадностью схватила виноградную кисть, вдруг почувствовала на себе взгляд Власа – он смотрел на меня с удивлением, даже нет, пожалуй, не с удивлением, в глазах его застыл ужас. Я положила гроздь обратно в вазочку и скрестила руки на коленях.

– Ешь, ешь, наедайся, – проговорил он.

– Спасибо, все было очень вкусно, – ответила я и почувствовала себя не в своей тарелке.

– Ты что, голодала без меня? – заботливо спросил он.

– С чего это ты взял? Ничего я не голодала!

– Маша, – начал было он, но замолчал.

– Что?

– Я совсем по-другому представлял нашу встречу. Я так к ней готовился, так ждал ее.

– Я тоже, – ответила я, как вдруг в животе у меня заурчало, и я ощутила неимоверную тяжесть в желудке.

– Нет. Вернее, я вовсе не то хотел сказать, – Влас совсем растерялся. – Мне кажется, пока меня не было, у тебя что-то произошло. До поездки все было иначе, ты была какой-то

другой, понимаешь… Я был уверен, что ты любишь меня, а теперь я этого не чувствую. Ты сейчас со мной сидишь, разговариваешь, но на самом деле мысленно ты совсем в другом месте. Не знаю, поняла ты хоть что-нибудь из того, что я сказал, или нет… – печально заключил он, и я ощутила на себе свойственный только ему, Власу, взгляд, который испытывала два раза в жизни. В этом взгляде было и восхищение, и любовь, но самое главное – боль, печаль и разочарование, будто он сомневался в моем к нему чувстве, не верил в него. И самым страшным было то, что в глубине души я знала, что он прав – в его отсутствие случилось нечто такое, что заставило меня задуматься всерьез: правда ли я люблю человека, за которого собираюсь замуж? Действительно это только мое решение или я иду на поводу у мамы, подруг? В самом ли деле Кронский мне безразличен или это не так? Нельзя не согласиться с Власом – в его отсутствие произошло то, что независимо от меня изменило мое отношение к нему. Встреча с Кронским в Любочкином кабинете оказала на меня разрушающее действие. Теперь, сидя с переполненным животом, я отчетливо это поняла, но надеялась в скором времени справиться со своими чувствами. Я посмотрела на Власа и тут же поняла, что мне не нужно делать никаких усилий над собой, не нужно справляться ни с какими чувствами. Я любила этого человека – мне нравятся его припухлые глаза, тяжеловатый, упрямый и настойчивый подбородок, атлетическое телосложение. В это мгновение он казался мне намного

интереснее Кронского, как внешне, так и внутренне. А самое главное, в чем я не сомневалась, так это то, что он искренне любил меня и никто кроме меня ему не был нужен.

– Ты говоришь глупости. Никого я так не любила, как тебя, – сказала я, и это было чистой правдой, потому что и Кронского, и всех своих троих предыдущих мужей я любила по-разному, совершенно иной любовью.

– Правда? – спросил он. В голосе звучали радость, надежда, даже наивность. Его сомнения были моментально развеяны, он подхватил меня на руки и отнес в спальню.

– Постой, постой! – воскликнула я. – Мне нужно в душ! Немедленно!

– Какой душ! Ты что, целыми днями из ванной не вылезаешь? Когда я заехал за тобой, ты ведь только вышла из душа.

– Такая жара, такая жара, я уже успела запылиться и взмокнуть, – пролепетала я и улизнула в коридор.

«Куда же лучше пойти-то?! – в панике думала я. – В туалет – посидеть, «подумать» – или в ванную? И зачем я столько съела?! Я ведь сейчас опозорюсь!»

В животе началась настоящая революция: котлеты по-киевски восстали против «Наполеона», горох из салата, казалось, вот-вот откроет огонь по осетрине. «УОООУУУ! – громко раздавалось из моего чрева. – УУУУУ? ООО!» Я больше не раздумывала и рванула в туалет – протяжные звуки доносились из утробы, но не более того. Сидеть тут бесполезно. Я метнулась в ванную, быстро разделась, символически

обрызгала водой плечи, как в дверь постучал Влас:

– Что? Что такое?

– Машенька, возьми полотенце.

– Тут есть.

– Это мое.

– Тут целых три, – ответила я. На металлических ручках действительно были аккуратно и ровно развешаны три чистых полотенца.

– Это мои – одно для тела, другое – для лица, третьим я ноги вытираю.

Боже мой! Какая чопорность! Я взяла полотенце и вышла через минуту, Влас сидел на полу у ванной и ждал меня. Он снова подхватил меня на руки и увлек в спальню. В животе началась отчаянная перестрелка.

Он уложил меня на кровать, усыпанную алыми лепестками роз, сдернул полотенце и принялся меня целовать. Я, кроме как о революции, ни о чем другом думать не могла: «Только бы не оконфузиться! И за что они там так ожесточенно борются – эти салаты, икра и «Наполеон»?»

– Как я соскучился, соскучился по тебе, – пыхтел Влас, стягивая с себя брюки.

«Как бы чего не вышло!»

– Я тебя очень люблю, очень!

«Только бы сдержать обезумевший горошек из оливье!»

– Я всю жизнь о тебе мечтал! Мне даже не верится, что ты наконец-то рядом! – воскликнул он, глядя мне в глаза. Я

собрала все силы и как можно приветливее улыбнулась ему.

Влас закрыл глаза – он любил меня – вдруг в самый ответственный момент в мою правую ягодицу вонзилось что-то острое. Несомненно, это была иголка. «Да что он, шьет, что ли, в постели?!» – злобно подумала я, пытаясь сменить позу и перевернуться на бок, но Влас только еще больше вдавил меня в кровать. Я молчала, решив потерпеть, чтобы дать ему возможность получить удовольствие, но тут вспомнила жуткую историю, которую в воспитательных целях рассказывала мне в детстве Мисс Бесконечность. «Будь осторожнее с иголками, – говорила бабушка, – вот так сядешь на нее и не почувствуешь, как она в тело впиявится, а уж до сердца дойдет – все! Смерть!» – после чего она многозначительно поджимала губы и обычно куда-нибудь уходила, оставляя меня в одиночестве, чтобы я как следует подумала о ее словах. Иголка все глубже и глубже вонзалась в мягкое место, словно острый нож в масло. В конце концов я не выдержала и завопила:

– АААААААА! ОЙОЙЁЙ! АААААА! У! УЁЙЁЙЁЙОЙ!

– Какая ты… Какая ты… – задыхаясь, пролепетал Влас.

– ОЁОЙ! ОЙ! ОЙ!

– ОХ! ООО! – он был в экстазе. – Какая ты! – воскликнул он и зарычал.

Наконец он откинулся на подушку и усталым, одновременно счастливым и трепетным голосом произнес:

– Маш, какая же ты страстная! Ты меня просто с ума сво-

дишь своими криками! Передать тебе не могу!

Я тут же повернулась на бок и вытащила из задницы нечто странное – это была явно не иголка. Я соскользнула с шелковых простыней:

– Я в душ.

– Да сколько же ты раз на дню в душ-то ходишь?! – усмехнулся он.

Я закрылась в ванной и принялась разглядывать то, что заставило меня не думать о взбесившемся горошке. Это оказался огромный шип розы. «Нет, ну надо же было искрошить в кровать лепестки вместе с шипами! Жертва рекламы!» – злилась я, но Власу говорить ничего не стала, чтобы не портить радость встречи после недельной разлуки.

Засыпая, Влас проговорил:

– Я так счастлив, что ты тоже получила удовольствие, что мы подходим друг другу по всем параметрам…

– Да, ты был просто великолепен!

– Слушай, Маш, я совсем забыл. Ты не могла бы помочь мне – как будущая жена – устроить дома небольшой банкет человек на десять?

Ничего себе небольшой!

– Это все очень серьезные бизнесмены, нужные мне люди.

– Когда?

– Через неделю, я думаю.

– А что от меня требуется?

– Я бы тебе помог, конечно, но у меня сейчас столько про-

блем. К тому же мы ведь собираемся отдохнуть на море…

– Так что я должна делать?

– Накупить продуктов и накрыть на стол. Я хочу похвастаться перед коллегами своей будущей женой – красивой, умной, к тому же умеющей готовить. Ну, что, договорились?

– Конечно, жалко, что ли! Только ты меня за день предупреди, хорошо?

– А как же, это ведь не шутки! Сам Илья Андреевич придет!

Я сделала глупость и спросила, кто такой Илья Андреевич, после чего пришлось до трех ночи выслушивать обо всех его достоинствах, добродетелях и сильных сторонах как в бизнесе, так и в отношении семьи. Влас упоенно рассказывал о том, как Илья Андреевич добился невообразимых высот в своем деле, сравнил жизнь старшего коллеги с «судном посреди морей, гонимом отовсюду вероломными ветрами». Говорил витиевато, книжными оборотами, подобно гоголевскому Чичикову. В результате я ровным счетом ничего не поняла, кроме того, что Влас очень высоко чтит и ценит Илью Андреевича и что это будет самый важный и главный гость, ради которого, наверное, и затевался предстоящий банкет.

* * *

На следующее утро Влас предложил отвезти меня домой,

за вещами.

– Я совсем забыла, ведь я сегодня вечером встречаюсь с девчонками, так что вещи отменяются. И потом, наверное, работать я буду все-таки дома. Я так привыкла.

– Ну, так ты ко мне никогда не переедешь, – разочарованно протянул он. – Где вы встречаетесь? В вашем кафе?

– Угу, – сказала я, зажигая сигарету.

– Зря ты куришь по утрам. Это вредно, – неодобрительно заметил он. – Когда за тобой заехать?

– Куда? – не поняла я.

– В кафе, конечно, куда ж еще? Потом заберем твои вещи и поедем домой.

– Может, лучше завтра? Не стоит заезжать за мной в кафе. Я не знаю, сколько мы там просидим.

– А я тебе буду позванивать.

Я совершенно растерялась и механически потушила окурок в кадке с пальмой.

– Маш! Ну что ты делаешь?!

– Что такое?

– Возьми пепельницу, и вообще, можно ведь на балконе покурить, – недовольно проговорил он, надевая пиджак. – Все, я ушел.

Он захлопнул дверь, и я осталась одна в большой чужой квартире. Но ничего, зато сегодня мне никто не будет мешать – по крайней мере, попишу хоть. В данное время я писала сразу два романа. Один, задуманный после разрыва с Крон-

ским еще зимой, о неземной любви, предательстве и измене, застрял сейчас где-то на середине, второй – продолжение злосчастных «Записок», которые требовал от меня главный редактор, писались по мере развития событий моей собственной жизни.

Я деловито включила компьютер, открыла новый файл и принялась вспоминать, на чем остановилась. Вспоминала минут тридцать, но вдруг почувствовала, что мне чего-то не хватает. Потом мучительно принялась перебирать в уме, чего именно мне не хватает. Конечно же! Заставки: *«Работай, бестолочь!»* Вот в чем дело! Оттого-то я и не написала еще ни одного предложения. Я немедленно создала точно такую же заставку, как на своем компьютере, которая каждые четыре минуты понуждала меня писать, а не считать ворон. Прошло еще полчаса – заставка почему-то не помогала. От нечего делать я сыграла в пасьянс «Паук» – выиграла, потом в «Классическую косынку», потом в какую-то дурацкую игру, в которой я никак не могла выиграть, постоянно натыкаясь на мины. Плюнула и открыла папку с документами Власа – один неосторожный щелчок мышки, другой и… вся папка удалена. Проверила «корзину» – пустая. В панике принялась искать документы в «журналах», на дисках – нигде нет. Что ж делать-то? Неужели так сложно было установить защиту или пароль? Поразительное легкомыслие! «Хотя… если Влас не установил защиту и с такой легкостью можно влезть в его документы, вероятнее всего, они не представля-

ют никакой ценности», – решила я и успокоилась.

Нет. В чужой квартире просто невозможно работать. Я не смогу тут писать, пока не пойму, чего мне не хватает. Может быть, телефонных звонков? И я тут же позвонила Пульке на работу.

– Ты не забудешь за Анжелкой заехать? – спросила я.

– Да вот она, рядом сидит.

– Она что, сама приехала?

– Как же, сама, – усмехнулась Пульхерия. – Ты подумай, в каком она могла бы быть состоянии, если б я за ней вечером заехала?!

– Тебе для подруги жалко?! – послышался настойчивый Анжелкин голос.

– Чего это она у тебя просит?

– Спирт медицинский! Голова у нее, видите ли, болит! Маш, я убегаю на операцию, поговори с ней, если хочешь.

– Если хочешь! – проворчала Огурцова и взяла трубку. – Вы все меня осуждаете и презираете!

– Анжел, у тебя должен быть светлый и трезвый ум к вечеру, поверь мне. И потом, никто тебя не осуждает. С кем дети-то?

– С кем, с кем! Свекровь с отцом дома. Ой, не могу, голова раскалывается, а эта садистка спирта пожалела. Мне надо-то грамм пятьдесят, – сказала она, но, подумав, поправилась: – Ну, сто.

– А Нина Ивановна опять сегодня работает? – Я пыталась

отвлечь подругу от губительных мыслей.

– Нет, она по святым местам поехала. Молится, чтобы я пить прекратила. А что я, пью, что ли?! Так, расслабилась несколько раз, подумаешь, какое дело!

– А куда по святым местам-то?

– В Дивеево по канавке пройтись.

– А ты что не поехала?

– Ай! – разочарованно воскликнула Анжелка и сказала: – Слушай, Мань, башка раскалывается, спирта не дали, дай я хоть на банкеточке прикорну.

Делать было абсолютно нечего, и я набрала мамин номер.

– Я у Власа, – заявила я.

– Очень за тебя рада, а я завтра уезжаю в деревню.

– Ты ведь через неделю собиралась!

– Как бы не так! Позвонил Коля, сказал, что приедет завтра, и бросил трубку. Я даже слова вымолвить не успела! Буду звонить тебе по пятницам, смотри тут за нашей Бесконечностью, с Власиком не ссорься, – мама всхлипнула в трубку.

– Что ты, не плачь! Не стоит из-за меня так переживать!

– Думаешь, мне очень хочется с Колей в глуши торчать? – Она переживала не за меня, а за свои утекающие, как вода сквозь пальцы, последние годы, когда она еще может быть любимой. – Ты не нашла мой дорогущий тональный крем?

– Мам, я тебе уже сто раз говорила, что у меня его нет!

– Странно, куда он мог подеваться, – задумчиво проговорила она и спросила: – У Власа-то хоть отпуск будет?

– Да, мы поедем на юг недели на две.

– И охота вам на солнце париться, когда можете в деревне отдохнуть. Там чудесно летом! Грибы, ягоды, речка. Можно в лес сходить. Ты же помнишь, какая там красота! Сосенки впиваются в небо своими кронами, березки… А если встать на рассвете и отправиться на рыбалку!.. Туман еще не рассеялся над полями, лесами – он паром стоит над рекой, будто в открытом бассейне. Тишина, даже птицы еще спят, не щебечут. Вот где-то в кустах пробежал заяц, трещит ветка, дует легкий ветерок, водная гладь вздрагивает и покрывается рябью, словно кто-то пощекотал ее… А закаты! Какие там закаты! – И мамаша пустилась в описание деревенских закатов. Я уже давно поняла, что именно от нее я унаследовала писательский дар. И чего бы ей книжку не написать?! У нее, наверное, лучше, чем у Паустовского, получилось бы. – А если хлещет дождь за окном, можно закутаться в клетчатый плед, сесть у печурки с книгой в руках и читать, прислушиваясь, как капли ударяются о крышу. Сказка, а не жизнь. И отдохнете. Чего бы вам не поехать? Поехали, – мягко, нежным голосом уговаривала меня мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.